
EUROPEAN RESEARCHER
Series A

Has been issued since 2010. ISSN 2219-8229, E-ISSN 2224-0136.
2016. Vol.(104). Is. 3. Issued 12 times a year
Impact factor of Russian Science Citation Index 2013 – 0,463
Information Matrix for the Analysis of Journals ICDS 2015 – 5,699

EDITORIAL BOARD

Cherkasov Aleksandr – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi (Editor in Chief)
Bazhanov Evgeny – Diplomatic Academy Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow
Beckman Johan – University of Helsinki, Helsinki
Biryukov Pavel – Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation
Goswami Sribas – Serampore College, West Bengal, India
Dogonadze Shota – Georgian Technical University, Tbilisi
Krinko Evgeny – Southern Scientific Centre of RAS, Rostov-on-Don
Malinauskas Romualdas – Lithuanian Academy of Physical Education, Kaunas
Markwick Roger – School of Humanities and Social Science, the University of Newcastle
Md Azree Othuman Mydin – Universiti Sains Malaysia, Penang
Menjkovsky Vaycheslav – University of Belarusian State, Minsk
Müller Martin – University St. Gallen, St. Gallen
Ojovan Michael – Imperial College London, London
Ransberger Maria – University of Bayreuth, Bayreuth
Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Mass Media, Communications and Protection of Cultural Heritage (Russia). Registration Certificate ПИ № ФС77-50466 4 July 2012.

Journal is indexed by: **Academic Index** (USA), **CCG-IBT BIBLIOTECA** (Mexico), **DOAJ** (Sweden), **Galter Search Beta** (USA), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (USA), **Electronic Journals Index** (USA), **Electronic scientific library** (Russia), **ExLibris The bridge to knowledge** (USA), **Google scholar** (USA), **Index Copernicus** (Poland), **math-jobs.com** (Switzerland), **One Search** (United Kingdom), **Open J-Gate** (India), **Poudre River Public Library District** (USA), **ResearchBib** (Japan), **Research Gate** (USA), **The Medical Library of the Chinese People's Liberation Army** (China).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://erjournal.ru/en/index.html>
E-mail: evr2010@rambler.ru
Founder and Editor: Academic Publishing House *Researcher*

Passed for printing 25.3.16.
Format 21 × 29,7/4.

Headset Georgia.
Ych. Izd. l. 5,1. Ysl. pech. l. 5,8.
Order № 104.

EUROPEAN RESEARCHER. Series A

2016

Is. 3

Издается с 2010 г. ISSN 2219-8229, E-ISSN 2224-0136.
 2016. № 3 (104). Выходит 12 раз в год.
 Импакт-фактор РИНЦ 2013 – 0,463
 Information Matrix for the Analysis of Journals ICDS 2015 – 5,699

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Черкасов Александр – доктор исторических наук, Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация (Главный редактор)
Бажанов Евгений – доктор исторических наук, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России, Москва, Российская Федерация
Бекман Йохан – доктор права, Университет г. Хельсинки, Хельсинки, Финляндия
Бирюков Павел – доктор юридических наук, Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация
Госвами Шрибас – доктор психологии, Серампур колледж, Западная Бенгалия, Индия
Догондзе Шота – доктор исторических наук, Грузинский технический университет, Тбилиси, Грузия
Кринко Евгений – доктор исторических наук, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Малинаускас Ромуальдас – доктор педагогических наук, Литовская академия физической культуры, Каунас, Литва
Марвик Роджер – доктор истории, Школа гуманитарных и общественных наук, Университет Ньюкасла, Австралия
Мд Азри Отхуман Мудин – кандидат экономических наук, Университет Малайзии, Пенанг, Малайзия
Меньковский Вячеслав – доктор исторических наук, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Мюллер Мартин – кандидат экономических наук, Университет Санкт Галлен, г. Санкт Галлен, Швейцария
Ожован Михаил – доктор физико-математических наук, Имперский колледж Лондона, г. Лондон, Великобритания
Рансбергер Мария – кандидат экономических наук, Байротский университет, Байрот, Германия
Шмигель Михал – доктор истории, Университет Матей Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Российская Федерация). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-50466 от 4 июля 2012 г.

Журнал индексируется в: **Academic Index** (США), **CCG-IBT BIBLIOTECA** (Мексика), **DOAJ** (Швеция), **GalterSearch Beta** (США), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (США), **Electronic Journals Index** (США), **ExLibris The bridge to knowledge** (США), **Google scholar** (США), **Index Copernicus** (Польша), **math-jobs.com** (Швейцария), **Научная электронная библиотека** (Россия), **Open J-Gate** (Индия), **ResearchBib** (Япония), **ResearchGate** (США), **The Medical Library of the Chinese People's Liberation Army** (Китай) и др.

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
 ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
 Сайт журнала: <http://erjournal.ru/>
 E-mail: evr2010@rambler.ru

Подписано в печать 25.3.16.
 Формат 21 × 29,7/4.

Учредитель и издатель: ООО «Научный
 издательский дом "Исследователь"» - Academic
 Publishing House *Researcher*

Гарнитура Georgia.
 Уч.-изд. л. 5,1. Усл. печ. л. 5,8.
 Заказ № 104.

C O N T E N T S

Historical sciences and archaeology

The Question of Migration of Kazakh Peasantry in the late of 1920s and early 1930s (on the Materials of Central Kazakhstan) Bakhytgul K. Alzhapparova	140
---	-----

Economic sciences

The Analysis of the Industrial Policy in Japan Natalia V. Kuznetsova, Natalia A. Vorobeva	148
Relationship between Remittance and Economic Growth in Bangladesh: an Autoregressive Distributed Lag Model (ARDL) Shapan Chandra Majumder, Zhang Donghui	156
The Comparative Analysis of Investment Activities on the Oil Refining Enterprises in the Russian Federation (on the example of JSC "LUKOIL" and JSC "GAZPROM- Refinery") O.V. Trofimov, D.S. Novikova, A.D. Novikova	168
Internal Resources to Improve the Quality of Higher Education Tatyana V. Zak	178

Pedagogical sciences

Leisure Time of Children and Youth in Slovakia and Brazil through Physical Education and Sports Elena Bendíková, Ricardo Ricci Uvinha, Alipio Pines Rodrigues Junior, Nara Rejane Cruz de Oliveira	184
---	-----

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 104, Is. 3, pp. 140-147, 2016

DOI: 10.13187/er.2016.104.140
www.erjournal.ru

Historical sciences and archaeology

Исторические науки и археология

UDC 94(574).02./08

The Question of Migration of Kazakh Peasantry in the late of 1920s and early 1930s (on the Materials of Central Kazakhstan)

Bakhytgul K. Alzhapparova

Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Republic of Kazakhstan
PhD, Associate Professor

Abstract

The article attempts to examine the consequences of the policy of collectivization and settling policy, expressed in fleeing of Kazakh population in the late 1920s and early 1930s. In the article, with a wide range of sources, including archival documents, considered measures of the Soviet government, aimed at combating migration of Kazakh population, ineffectual nature of these measures. The author concludes that the attempt to organize the economy of otkochevniks failed due to formal and bureaucratic approach to the issue and the lack of financial resources.

Keywords: settling policy, collectivization, pauperization, migration, nomadism, region, regional history.

Введение

Истоки нынешней нелегкой ситуации в аграрном секторе экономики, в частности, в животноводческом хозяйстве, находятся в историческом прошлом. В этой связи весьма актуальным является изучение опыта политики оседания и коллективизации 20-30-х гг. 20 в. На этом историческом этапе хозяйство казахов подверглось процессу ускоренной трансформации в ущерб естественноисторическому и эволюционному развитию, что вызвало широкий спектр негативных последствий. Особенно тяжелые последствия эта политика имела в тех регионах, к числу которых относится и Центральный Казахстан, где в силу географических факторов наиболее оптимальным, рациональным и распространенным способом ведения хозяйства являлось полукочевое скотоводство.

Результатом реализации политики оседания и коллективизации, проводившейся сталинским режимом, было разрушение традиционной структуры казахов, отличительным признаком которой являлась система коллективной безопасности на случай голода. Были ликвидированы существовавшие до этого в казахском ауле институты родовой помощи, такие как «байгазы», «аза», «жұртшылық», «ат-майын-беру», «сыбаға», представлявшие собой морально-этический кодекс взаимовыручки кочевников. Крушение

системы коллективной безопасности вызывало у населения различные формы протеста, одной из которых являлись откочевки.

Откочёвки этого периода следует разграничивать от кочевания, являвшегося неотъемлемым атрибутом традиционного хозяйства казахов. Если кочевание в рамках кочевого и полукочевого скотоводства было продиктовано мотивами экологической и экономической целесообразности, то откочёвки конца 1920-х - начала 1930-х гг. имели другой характер. Как писал Турар Рыскулов в своём знаменитом письме к Сталину: «... это было бегство голодных, отчаявшихся людей в поисках пропитания» [1, с. 168].

Актуальность изучения данной проблематики продиктована и современными мировыми реалиями. Как свидетельствует исторический опыт многих стран, попытки насильственной модернизации (особенно в сфере экономики) приводят часто к непредсказуемым результатам. Стремление привнести извне чуждую им модель развития, не учитывая социально-экономической специфики страны, вызывают непредвиденные результаты. Примером тому являются социально-экономические процессы, развернувшиеся в развивающихся странах, являвшихся, по сути, традиционными обществами, в 50-70-е гг. XX века. Издержки реальной модернизации проявили себя в обнищании и деклассировании крестьянства, в разрушении ещё не изживших себя форм хозяйствования [2, с. 53]. Как писал Роберт Макнамара, несмотря на десятилетие беспрецедентного роста валового национального продукта в развивающихся странах, беднейшие слои их населения выиграли относительно немного. Около 800 млн человек живут на 30 центов в день в условиях недоедания, неграмотности и антисанитарии; огромное количество бедных сосредоточено в сельских районах [3, с. 385].

Политика оседания и коллективизации, проводившаяся в Казахстане в конце 1920-х - начале 1930-х гг., в советский период привлекала внимание немалого количества ученых. В частности, в работах А.Б. Турсунбаева, Б.А. Тулепбаева, Г.Ф. Дахшлейгера рассматривается история аграрных преобразований в Казахстане. Несмотря на то, что эти работы не были свободны от идеологических установок своего времени, они не потеряли своей актуальности и на сегодняшний день как изыскания, имеющие обширную источниковую базу [4].

В конце 1980-х – начале 1990-х годов, в связи изменением политической ситуации в стране, интенсифицируется исследовательский порыв многих историков, усиливается интерес к изучению “белых пятен”, вследствие этого происходит концептуальное переосмысление многих проблем первой трети XX века. В частности, усиливается интерес казахстанских историков к изучению традиционной структуры Казахстана. В этой связи вызывают научный интерес труды известного отечественного учёного Ж.Б. Абылхожина [5]. Ж.Б. Абылхожин, в отличие от казахстанских исследователей предыдущего периода, придерживается мнения, что одним из факторов, форсировавших политику оседания, стала зерновая проблема, актуализация которой была вызвана процессами ускоренной промышленной модернизации. Ведь для закупки технического оборудования требовалась валюта, которую в тех условиях можно было получить, главным образом, в обмен на хлеб. Поэтому приобщение жителей степи к Цивилизации, по мнению Ж.Б. Абылхожина, являлось лишь сопутствующим элементом.

Ж.Б. Абылхожин также отмечает, что целью этих преобразований в экономической сфере являлось создание вместо прежних «традиционно-личностных структур с горизонтальными связями структуры с вертикальными связями, которое позволило бы Системе подчинить казахские аулы тоталитарному контролю» [6].

Социально-экономические преобразования конца 1920-х-начала 1930-х гг. с новых концептуальных позиций анализируются в работах Т. Омарбекова [7]. В этих исследованиях подробно рассматривается история заготовительных кампаний и их влияние на разрушение традиционного скотоводческого хозяйства в Казахстане, освещаются процессы оседания и их последствия. Следует подчеркнуть, что автор в своих трудах вводит в научный оборот ещё не апробированный обширный архивный материал, что позволяет ему пролить свет на истинную природу откочёвок, показать бедственное положение казахов – откочевников и выявить причины и характер вооружённых выступлений крестьян.

В работе французского исследователя Изабель Огайон предпринимается попытка изучить политику седентаризации параллельно с политикой коллективизации. Коллективизация, пишет Огайон, была неотделима от седентаризации. Причем теория

Ф.И. Голощекина по оседанию кочевников, по мнению Огайон, опиралась на такой аргумент, как классовая борьба, где институт родовых отношений рассматривался как «орудие угнетения наиболее бедных слоев баями», что, в принципе, противоречило самой природе данной системы, нацеленной на коллективное выживание. Таким образом, по И. Огайон, стратегия «Малого Октября», прикрывавшаяся целями реализации советской национальной политики, была нацелена на разрушение кочевого скотоводства, а с политической – на ликвидацию родовой структуры. Последняя акция осуществлялась в двух направлениях: глобальной чистке националов в директивном аппарате и социальной чистке от старорежимных элементов [8].

Таким образом, для работ западных исследователей характерна концептуальная посылка, согласно которой основной причиной трагических событий 1930-х гг. являлась политика сталинского режима, направленная на форсированное оседание и коллективизацию.

Итак, данный хронологический период знаменателен замечательными достижениями отечественных ученых в изучении данной проблематики. Вместе с тем, историографический обзор выявляет недостаточную степень разработанности этой проблемы в региональном разрезе (Центральный Казахстан). В частности, недостаточно изучены процессы разрушения традиционного хозяйства казахов в регионе в 20-30-е годы XX века, история «устройства» откочевников региона в начале 1930-х гг.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составил разнообразный круг источников. Значительная часть источников была выявлена в результате изучения архивных фондов Центрального Государственного архива Республики Казахстан, Архива Президента Республики Казахстан. В ЦГА РК были изучены Ф. № 44 (Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции), Ф. № 1179 (Комитет по оседанию и хозяйственному устройству откочевников при Совете Народных комиссаров Казахской АССР), Ф. 82 (Народный комиссариат здравоохранения Казахской АССР).

Обозначим некоторые источники, извлечённые из этих фондов. Это докладные и пояснительные записки о ходе коллективизации, протоколы заседаний президиумов райисполкомов о ходе хозяйственно-политических кампаний, информационные сводки, материалы о ходе работ по оседанию, переписка между краевыми и местными организациями. Очень ценные материалы извлечены из Ф. № 44, содержащего жалобы и письма крестьян, результаты расследования деятельности местных и политических организаций.

В АПРК нами были изучены Ф. № 141 (Казахский краевой комитет ВКП (б) и Ф. № 719. (Казахская краевая контрольная комиссия ВКП (б)- Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции).

Методологическая база

Общеизвестно, что методология – это принципы, логические формы, структура и техника исследований, способствующие познанию сущности предмета и интерпретации фактических данных. В более широком смысле – это «теоретическое выражение практики конкретного точного исследования и средство поиска на частные исторические вопросы» [9, с. 123].

Методологической и теоретической основой исследования выступили общенаучные принципы, прежде всего, принцип историзма. В качестве концептуальной основы в статье использованы положения отечественных и зарубежных учёных – Ж.Б. Абылхожина, И. Огайон и др.

Были использованы и общие методы научного познания: анализ, синтез, статистический анализ.

Обсуждение

Откочевки и голод приняли настолько широкий и угрожающий характер, что руководство Казахстана вынуждено было заняться вопросами предотвращения откочевки и обустройства откочевников 17 сентября 1932 года Центральный комитет ВКП (б) принял

постановление «О сельском хозяйстве и о животноводстве Казахстана». Аналогичное постановление было принято Советом народных комиссаров СССР 5 октября того же года. Согласно этим постановлениям, для кочевых и полукочевых районов Казахстана было предусмотрено отпустить 2 млн. пудов хлеба – в порядке продовольственной помощи и для семян в посевной кампании. План заготовки хлеба для Казахстана был уменьшен на 3 млн. пудов. Возмещение долгов в объеме 5 млн. пудов хлеба было отложено (перенесено) на следующий год, долги по налогам за предыдущие годы были полностью списаны [10, с. 538].

В процессе реализации этого постановления в Карагандинской области с октября 1932 года по 20 июня 1933 года было получено 45 тыс. 525 центнеров зерна, из которых 18,6 тыс. центнеров было предоставлено в апреле – июне 1933 [2, л. 26]. Согласно директивным указаниям Казахского Краевого комитета ВКП(б) и Казахского Совета народных комиссаров, норма работающих в поле составляла 16 кг в месяц, а их иждивенцев – 8 кг. [11, л. 27]. Однако эти меры не имели должного эффекта, так как большая часть хлеба, предназначенного голодающим, использовалась не по назначению, т.е. расхищалась разными учреждениями. Так, в Нурунском районе из продовольственной помощи в размере 491 тыс. центнеров проса (март – сентябрь 1932 г.) 169 тыс. 75 центнеров было использовано не по назначению, т.е. роздано европейским колхозам, районным партийным и советским работникам [12, л. 225]. В Кургальджинском районе из 3 тыс. пудов продовольственной помощи только 300 пудов хлеба дошло до места назначения [12, л. 138].

Имели место и различные финансовые злоупотребления. Например, в июле 1933 г. представителем Карагандинского областного исполнительного комитета Юсуповым были предоставлены из фонда Казторга товары на сумму 44 тыс. рублей, предназначавшиеся для откочевников. Груз был отправлен по районам, а необходимые документы остались у Юсупова в облисполкоме. В результате товары, предназначавшиеся для откочевников, прибыли на станцию Иссыккуль, но «ввиду неостребованности» были проданы с публичных торгов на сумму 25 тыс. 757 рублей [13, л. 31].

Для устройства откочевников открывались специальные дома, но условия проживания в них оставляли желать лучшего. Весьма показателен пример дома откочевников г. Акмолинска Карагандинской области: «Подбор в дом откочевников был прост – принимали только тех, кто не мог больше ходить от истощения. В доме кошмарная грязь, антисанитария, больные вместе со здоровыми, не изолированы, посещения врача почти не бывает. Окна выбиты, отопления, освещения нет, ежедневная смертность от 6 до 9 человек» [13, л. 32].

Символом того времени стала детская беспризорность. Согласно официальным данным казахстанских государственных органов, в конце 1932 г. в Казахстане насчитывалось около 50 тыс. беспризорных детей. В Карагандинской области на 20-е июня 1933 г. в детских домах находилось 11 тыс. 415 детей. Из них: казахов – 5 тыс. 513, русских – 4 тыс. 94, татар – 955, украинцев – 573. Возрастной состав был представлен следующим образом: дети до 4-х лет – 528 человек, от 4-х до 8 лет – 2 тыс. 598, от 8 до 17 лет – 4 тыс. 637, от 12 до 16 лет – 3 тыс. 369, от 16 до 18 лет – 200 [11, л. 25].

Государство, открывая детские дома и приемники, не могло решить проблему детской беспризорности, так как только малая часть детей могла найти пристанище в детских домах, условия проживания в которых, так же как и в домах откочевников, были ужасающими. Из докладной записки о положении в Карагандинской области: «Везде можно было видеть беспризорных, ни кем не подбираемых детей... В детском приемнике 320 человек детей, дети совершенно раздетые, вместе со здоровыми находились больные, частые перебои со снабжением... Нет ботинок, белья, верхней одежды, одеял и матрацев. 50 детей больных чесоткой» [13, л. 31].

Формальный, бюрократический подход преобладал и в процессе хозяйственного обустройства откочевников – возвращенцев. Так как государство не предоставило специальные финансовые средства для реализации этой цели, то было принято решение об использовании денежных средств, выделенных для оседания кочевников. Согласно первоначальному варианту, предполагалось, в среднем, на одно хозяйство откочевника субсидировать 296 рублей. Впоследствии эта цифра была снижена до 239 рублей, так как постановлением директивных органов было решено «устроить» еще 11 тыс. хозяйств. Но, видимо, даже эта минимизированная цифра показалась слишком «огромной» для

чиновников, поэтому она была фактически снижена до 89 рублей [14, л. 24]. Логично предположить, что на 89 рублей «устроить» откочевника, лишенного как производственной, так и продовольственной базы было нереально. Вследствие этого «устройство» откочевников – возвращенцев происходило формально, на бумаге, им не оказывали ощутимой материальной помощи и психологической поддержки.

Так, промышленный сектор, согласно плану, должен был предоставить определенное количество рабочих мест для откочевников. Согласно архивным документам, за время с 1-го июня по 1-е августа 1932 г. в Караганду прибыло 6 тыс. 558 человек, главным образом, из Каркаралинского, Кувского, Тельмановского и других районов. Из этого количества – 5 тыс. 300 человек были отправлены к месту прежнего жительства, и только 605 человек осталось на работе в Караганде. Однако уже очень скоро бывших кочевников начали увольнять с работы, так как почти все они были больны и надорваны [15, л. 170]. На 20 августа 1932 года в Караганде насчитывалось 270 откочевников, уволенных с работы с казенной формулировкой «невыполнение норм выработки ввиду истощенности». Таким пациентам врачи, как правило, отказывались выписывать «больничный лист», оправдывая это тем, что «такая» болезнь не является причиной для освобождения от работы. Это усугубляло и без того критическое положение откочевников и вызывало усиление смертности. За период с 1-го июля по 25 августа 1932 года милицией города Караганды было подобрано 806 трупов откочевников, не считая тех, кто был похоронен родственниками или близкими [15, л. 171].

Усиление смертности среди откочевников вызывалось и другими факторами. Так, Северо-Казахстанский строительный трест в августе 1932 года «завербовал» на работу около 1 тыс. 800 бывших крестьян. В процессе «перевоски» откочевников в Караганду им были выданы продукты лишь на трое суток (вместо обещанных семи), вследствие этого многие из них погибли в дороге от сильного истощения. Откочевники, которые сумели выжить и доехать до Караганды, на работу приняты не были и поэтому не были обеспечены даже продовольственными карточками и жильем. Это способствовало расширению масштабов голода и смертности среди откочевников, порой достигавшей до «30 человек в сутки» [15, л. 172].

Процесс «обустройства» откочевников продолжался и в 1933 – 1934 гг. В январе 1933 года из Киргизии в Петропавловск было отправлено около 200 уроженцев Шетского района, из которых в пути погибло 57 человек. Как констатируют архивные сводки, «отсев» произошел на трассе от Новосибирска до Петропавловска, где откочевники совершенно не снабжались продуктами питания. Поэтому в Петропавловск приехало только 143 человека. Прибывших откочевников не сочли необходимым встретить представители государственных структур, занимающиеся их «обустройством» и вследствие этого они не были обеспечены жильем и продовольствием, что провоцировало в среде откочевников дальнейший рост смертности. Откочевники, которые были помещены в специальные дома города Петропавловска, оказались не в лучшем состоянии. Из докладной записки о положении откочевников: «В одной из комнат Центрального рабочего клуба помещаются около 100 человек откочевщиков, среди них есть ряд опухших, кои не в состоянии даже двигаться. В помещении сыро, грязь...» [16, л. 56].

В Караганде, к апрелю 1933 года находилось 316 хозяйств откочевников, в том числе – 76 семей из Шетского района, которые были размещены в двух домах поселка Михайловка. Обеспечение этих людей продуктами питания было возложено на коменданта Сапакова. Сапаков сразу роздал откочевникам все имевшиеся в его распоряжении продовольственные фонды, вследствие чего к началу марта голодающие беженцы остались без всяких запасов продовольствия. Одновременно Шетский районный комитет ВКП (б) и районный исполнительный комитет приняли решение прекратить снабжение откочевников Шетского района. Ссылаясь на это постановление, Сапаков и уполномоченный Алма-Атинского облисполкома Таймагамбетов перестали поддерживать откочевников продовольствием и выехали в город Алма-Ату. Откочевники, брошенные на произвол судьбы, оказались в очень тяжелых условиях и испытывали неимоверные страдания и жесточайший голод, сопровождавшийся смертельными исходами [17, л. 15].

Всего, по официальным данным на 1-ое июня 1934 г. по Карагандинской области было зафиксировано 21тыс. 910 откочевников, в том числе вернувшихся в том же году – 721. Из них в 1933 г. было «устроено» 21 тыс. 142 откочевника, а именно; в существующих

колхозах – 7 тыс. 719, во вновь организованных Тозах – 8 тыс. 250, в промышленности – 5 тыс. 613. В 1934 году эти темпы значительно снизились и выражаются в цифрах: 721, 626, 72, 17. В колхозах было устроено 6 семей откочевников [18, л. 20].

Условия труда и быта рабочих – казахов из числа бывших откочевников были очень тяжелыми, их жилье не отвечало даже минимальным требованиям санитарии, хотя согласно договору с Народным комиссариатом труда, казахи – откочевники должны были обеспечиваться жильем, отвечающим необходимым санитарным правилам. Так, рабочие карагандинских предприятий жили в землянках, юртах, бараках, стандартных недостроенных домах, не соответствовавших элементарным гигиеническим нормам [19, л. 5]. Таким образом, необходимо констатировать весьма равнодушное отношение руководителей промышленных предприятий к судьбе откочевников. Например, в Кармакчинском районе, в течение нескольких месяцев влачили жалкое существование 190 уроженцев Карсакпайского района, которых не хотели принимать на работу руководители предприятий, мотивируя свое нежелание отговоркой, что они «не из их района». Карсакпайцы не могли также добраться до своих родных мест из-за дальности расстояния (500 – 600 км.) и только вмешательство представителей Народного Комисариата рабоче-крестьянской инспекции заставило «устроить» их на временную работу в колхозах и рыболовных артелях Кармакчинского района [20, л. 58].

Устройство откочевников в совхозах, так же как и в промышленности, было фиктивным. Совхозы обычно отказывались принимать откочевников, ссылаясь на отсутствие продовольственных или жилищных фондов, или под давлением областных организаций формально принимали на сезонную работу, не обеспечивая даже хлебом. Так, в совхозе «Челкарский» Каркаралинского района Карагандинской области откочевников «поместили» в холодные базы, без топки, без оборудования. Кроме того, их принуждали в морозы, без теплой одежды возить сено, вследствие чего 12 рабочих были обморожены, некоторые – со смертельным исходом [21, л. 21].

Хозяйственное устройство откочевников в колхозах также не могло остановить нарастающую как снежный ком нищету и смертность. Согласно плану мероприятий по Карагандинской области, для покупки скота откочевникам в качестве сельхозкредита было фактически выделено 593,6 тыс. рублей, средства местного бюджета составили 60 тыс. рублей. На эти деньги было куплено всего 748 голов скота: лошадей – 401, крупный рогатый скот – 198, верблюдов – 6, овец и коз – 149 [13, л. 20]. Если учесть, что в Карагандинской области в 1933 году только по официальным данным было зафиксировано 18 тыс. 653 хозяйства откочевников, практически лишенных скота и имущества, то становится ясно, что данное количество голов скота не могло обеспечить им средства к существованию, и не гарантировало даже самый низкий прожиточный минимум.

В колхозах прибывших возвращенцев не обеспечивали даже жильем, поэтому большая часть откочевников, даже считавшихся «устроенными» жила «в полуразрушенных землянках, без окон и дверей, в шалашах, по несколько семей в одном помещении», что усугубляло их положение и приводило к усилению смертности [22, л. 35]. Архивные документы констатируют: «В виду такого тяжелого положения в колхозах некоторая часть откочевников и постоянных колхозников продолжают двигаться из района в район, из совхоза в совхоз, из колхоза в промышленные города и обратно в поисках хлеба и пристанища» [23, л. 158].

Заключение

Таким образом, политика сталинского режима, направленная на коллективизацию и оседание, привела к трагическим последствиям: пауперизации крестьянства, росту откочетов казахского крестьянства в города, в соседние регионы. Политика хозяйственного устройства откочевников – возвращенцев, проводившаяся государством, потерпела неудачу вследствие формализма в решении этой проблемы и недостаточности финансовых средств.

Примечания:

1. Голод в казахской степи. Алматы: «Қазақ университеті», 1991. С. 171.

- 2 Старостин В. Проблема модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура. М.: "Апрель – 85", 1995. С. 8-21.
- 3 Макнамара Р. Бедняки мира, и что с ними делать // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Прогресс-Академия, 1992. 430 с.
- 4 Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921-1929 гг.). Алма-Ата: Наука. 1965. 536 с.; Дахшлейгер Г.Ф. Маршрутом социального прогресса. Алма-Ата: Казахстан, 1978. 160 с.; Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. 326 с.; Нурпеисов К.Н., Дахшлейгер Г.Ф. История крестьянства Советского Казахстана. Алматы: Наука, 1985. Т. 1. 247 с.
- 5 Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920-1930гг.). Алма-Ата: Ғылым, 1991. 240 с.
- 6 Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы: Туран, 1997. 360 с.
- 7 Омарбеков Т. 20-30 жылдардағы Қазақстан қасіреті. Алматы: Санат, 1997. 320 с.
- 8 Сужиков Б.М. Казахстанская трагедия в исследовании французского историка. Часть 1. Дебаизация // [Электронный ресурс] «edu.e-history.kz // (дата обращения: 26.12.15).
- 9 Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 286 с.
- 10 Коллективизация сельского хозяйства Казахстана. (1926-1941гг.). Документы и материалы. ч. 1. Алма-Ата: Казахстан, 1967. 576 с.
- 11 ЦГА РК. (Центральный Государственный архив Республики Казахстан). Ф. 44. Оп. 13. Д. 330.
- 12 АП РК. (Архив Президента Республики Казахстан). Ф.141. Оп.1. Д.6403.
- 13 АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.6397.
- 14 ЦГА РК. Ф.44. Оп.14. Д.874
- 15 АП РК. Ф.719. Оп.4. Д.72.
- 16 АП РК. Ф.719. Оп.4. Д.719.
- 17 АП РК. Ф.719. Оп.4. Д.675.
- 18 ЦГА РК. Ф.1179. Оп.1. Д.60.
- 19 ЦГА РК. Ф.82. Оп.1. Д.1143.
- 20 ЦГА РК. Ф.44. Оп.14. Д.874.
- 21 АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.6402.
- 22 ЦГА РК. Ф.1179. Оп.1. Д.47.
- 23 ЦГА РК. Ф.30. Оп.2. Д. 1578.

References:

1. Golod v kazakhskoi stepi. Almaty: «Қазақ университети», 1991. S. 171.
2. Starostin V. Problema modernizatsii: istoriya i sovremennost' // Modernizatsiya i natsional'naya kul'tura. M.: "Aprel' – 85", 1995. S. 8-21.
3. Maknamara R. Bednyaki mira, i chto s nimi delat' // Velikii neznakomets. Krest'yane i fermery v sovremennom mire. M.: Progress-Akademiya, 1992. 430 s.
4. Dakhshleiger G.F. Sotsial'no-ekonomicheskie preobrazovaniya v aule i derevne Kazakhstana (1921-1929 gg.). Alma-Ata: Nauka. 1965. 536 s.; Dakhshleiger G.F. Marshrutom sotsial'nogo progressa. Alma-Ata: Kazakhstan, 1978. 160 s.; Tursunbaev A.B. Pobeda kolkhoznogo stroya v Kazakhstane. Alma-Ata: Kazgosizdat, 1957. 326 s.; Nurpeisov K.N., Dakhshleiger G.F. Istoriya krest'yanstva Sovetskogo Kazakhstana. Almaty: Nauka, 1985. T. 1. 247 s.
5. Abylkhozhin Zh.B. Traditsionnaya struktura Kazakhstana. Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty funktsionirovaniya i transformatsii (1920-1930gg.). Alma-Ata: Fylym, 1991. 240 s.
6. Abylkhozhin Zh.B. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Kazakhstana. XX vek. Almaty: Turan, 1997. 360 s.
7. Omarbekov T. 20-30 zhyldardary Қазақстан қасіреті. Almaty: Sanat, 1997. 320 с.
8. Suzhikov B.M. Kazakhstanskaya tragediya v issledovanii frantsuzskogo istorika. Chast' 1. Debaizatsiya // [elektronnyi resurs] «edu.e-history.kz // (data obrashcheniya: 26.12.15).
9. Koval'chenko I.D. Metody istoricheskogo issledovaniya. M.: Nauka, 1987. 286 s.

10. Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaistva Kazakhstana. (1926-1941gg.). Dokumenty i materialy. ch. 1. Alma-Ata: Kazakhstan, 1967. 576 s.
11. TsGA RK. (Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan). F. 44. Op. 13. D. 330.
12. AP RK. (Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan). F.141. Op.1. D.6403.
13. AP RK. F.141. Op.1. D.6397.
14. TsGA RK. F.44. Op.14. D.874
15. AP RK. F.719. Op.4. D.72.
16. AP RK. F.719. Op.4. D.719.
17. AP RK. F.719. Op.4. D.675.
18. TsGA RK. F.1179. Op.1. D.60.
19. TsGA RK. F.82. Op.1. D.1143.
20. TsGA RK. F.44. Op.14. D.874.
21. AP RK. F.141. Op.1. D.6402.
22. TsGA RK. F.1179. Op.1. D.47.
23. TsGA RK. F.30. Op.2. D. 1578.

УДК 94(574).02./08

**К вопросу об откочевках казахского крестьянства в конце 1920-х – начале 1930-х гг.
(на материалах центрального Казахстана)**

Альжаппарова Бахытгуль Кабдульмаликовна

Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева, Республика Казахстан
Кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть последствия политики коллективизации и оседания, выразившиеся в откочевках казахского населения в конце 1920-х-начале 1930-х гг. В статье, с привлечением широкого круга источников, в том числе архивных документов, рассматриваются мероприятия сталинского режима, направленные на борьбу с откочевками, неэффективный характер этих мероприятий. Автор приходит к выводу, что попытка хозяйственного устройства откочевников потерпела неудачу вследствие формально-бюрократического подхода к решению этого вопроса и недостаточности финансовых средств.

Ключевые слова: оседание, коллективизация, пауперизация, откочевки, номадизм, регион, региональная история.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 104, Is. 3, pp. 148-155, 2016

DOI: 10.13187/er.2016.104.148
www.erjournal.ru

Economic sciences

Экономические науки

UDC 338

The Analysis of the Industrial Policy in Japan

¹Natalia V. Kuznetsova

²Natalia A. Vorobeva

¹ Far Eastern Federal University, Russian Federation
Suhanova Str., 8, Vladivostok, Primorye region 690950
Doctor of Economic Science, Professor
E-mail: ipatovanat@mail.ru

² Far Eastern Federal University, Russian Federation
Suhanova Str., 8, Vladivostok, Primorye region 690950
PhD (Economics), Assistant Professor

Abstract

The paper analyzes the issues of the Japanese experience of industrial policy, which managed to overcome significant challenges in economic and social development of the country. Japanese experience of industrial policy is unique, due to the fact that the government provides the planned economic policy of integrated industrial development at the macro and micro levels, with emphasis on the competitive advantages of some regions of the country and on the active involvement of the private sector in various projects of public-private partnership. At the same time, the mechanism of Japanese industrial policy has demonstrated its viability in different historical periods of the economic development of the country.

Keywords: industrial policy, Japan, planning, government regulation.

Введение

Изучая вопросы пространственного размещения промышленности, можно отметить успешный опыт многих стран — как западных (США, Германия, Великобритания, Франция), так и восточных (Япония, Южная Корея) — который говорит о том, что можно проводить эффективную промышленную политику, направленную на ускорение развития промышленности и экономики в целом.

Как отмечает исследователь Р. Гринберг, «страны (Япония, Южная Корея, Китай, Малайзия, Тайвань), которым удалось совершить экономический прорыв и превратиться в экономически развитые, осуществили это исключительно при помощи успешной промышленной политики» [1].

Следует обратить особое внимание на японский опыт промышленной политики в плановой организации промышленности страны, так как именно эта страна, после Второй

Мировой Войны, имела полностью разрушенную промышленную базу и с 1950-х гг. выстраивала государственную промышленную политику таким образом, чтобы с нуля возродить национальную промышленность, не имея при этом практически никаких природных ресурсов. Этот опыт построения промышленной политики является уникальным и заслуживает детального анализа.

В Японии государство активно вовлечено в процесс экономического развития страны. Государственное вмешательство отвечает насущным задачам японской экономики на всех этапах ее развития. Государство разрабатывает стратегии развития, определяет отраслевые приоритеты, широко применяет на практике меры стимулирования экспорта и защиты от зарубежных конкурентов.

Согласно общепринятой точки зрения, большинство успехов Японии в послевоенный период – это результат действия японского правительства, которое осуществляет комплекс мер экономической политики, называемые японская модель государственного регулирования. Хотя в последнее время появилось множество дискуссий по этому вопросу.

1. Роль государства в реализации промышленной политики Японии

Формы и методы государственного регулирования экономики Японии схожи с мерами, применяемыми другими развитыми странами. Вмешательство государства в экономику осуществляется в нескольких формах: 1) государственная собственность и предпринимательство; 2) перераспределение национального дохода через бюджет; 3) макроэкономическая политика; 4) административно-юридическое регулирование развития отдельных отраслей.

Однако в Японии преобладает практика использования неформальных методов государственного регулирования, к числу которых можно также отнести специфический инструмент регулирования – административное руководство («мадогучи сидо»), а также взаимодействие государства и частного бизнеса через сеть организаций (Кэйданрэн).

Экономическая система послевоенной Японии отличалась от других развитых стран сравнительной слабостью элементов свободного рынка. Это было обусловлено большой ролью в ней двух других системообразующих структур – государства и так называемого группирования в сфере бизнеса.

Стратегическим направлением политики роста в послевоенный период было стимулирование накопления капитала. Этот курс в значительной степени основывался на таких рычагах, как огромные государственные инвестиции в расширение и совершенствование экономической инфраструктуры, субсидии, дешевый кредит, различные налоговые и амортизационные льготы для стимулирования внутренних и внешних источников финансирования инвестиций частных предприятий, научно-технического прогресса и экспорта. В частности, в этом процессе большую роль сыграли налоговые стимулы для мелких сбережений населения.

Чалмерс Джонсон [2] впервые сформулировал принципы японской модели регулирования экономики, его называют основоположником теории государственного регулирования экономики Японии. Он утверждал, что в Японии правительство практически «выращивало» промышленность, в то время как в западных странах правительства просто устанавливали правила игры. Он высказывает мнение, что быстрый рост японской экономики и производительности труда в 1960-х и начале 1970-х нельзя объяснить только влиянием экономических, институциональных или культурных факторов. Правительственная промышленная политика оказала существенное влияние на уровень инвестиций в стратегически важные отрасли экономики.

Главная задача экономической политики Японии остается неизменной уже многие годы: частный бизнес и государство совместно работают над повышением международной конкурентоспособности страны.

Ответственность за выбор направления развития экономики лежала на чиновниках центральных министерств. Главную роль здесь играло Министерство международной торговли и промышленности (MITI, Ministry of International Trade and Industry), созданное в 1949 г., сейчас переименовано в METI (Ministry of Economy, Trade and Industry) Министерство экономики, торговли и промышленности.

М. Портер подчеркивал важную роль сложной системы взаимосвязей японских правительственных и бизнес институтов, которые определяли характер конкуренции и кооперации в японской экономике. Эта система включает в себя кроме МЕТИ, Министерство финансов, Министерство почты и телекоммуникаций, Банк Японии, Агентство экономического планирования, отраслевые ассоциации промышленников, Кейрэцу, Кэйданрен, крупные корпорации, национальные профсоюзы [3, с. 42-43].

МЕТИ и Министерство международной торговли и индустрии помогало выработать предприятиям оптимальную стратегию развития, облегчало ведение переговоров с иностранными партнерами, что в свою очередь, способствовало проникновению японских компаний на зарубежные рынки.

В целом развитие промышленности в Японии происходило при активном взаимодействии трех основных сил: государства (представленного ведущими министерствами), представителями крупного капитала и профсоюзами (выражавшими интересы трудовых коллективов).

Промышленная политика занимает особое место среди различных направлений экономической политики Японии, так как именно здесь государственная политика отличается наибольшей комплексностью, целенаправленностью и последовательностью.

Промышленная политика представляет собой комплекс экономических, политических и организационных мероприятий на разных уровнях национальной экономической системы, направленной на поддержание и рост национальной промышленности. Она носит двойственный характер: стимулирование экономического роста и отраслевая модернизация экономики, с одной стороны, и определение долгосрочной экономической стратегии развития экономики, с другой стороны.

Промышленная политика в Японии создала благоприятные условия для развития ряда отраслей, ставших основой промышленного роста страны, способствовала созданию благоприятного инвестиционного климата в Японии.

Как отмечает зарубежный экономист Д.Окимото [4, с.32-34], японские исследователи признают за рынком две функции большой важности: «он предопределяет структуру частных инициатив» и «обеспечивает превосходный механизм обратной связи, который создает возможности для саморегулирования системы», однако, имеет и ряд своих недостатков. Поэтому японцы убеждены, что для получения желаемых результатов «невидимая» рука рынка должна работать вместе с «видимой» рукой правительства [4]. Этот подход к рынку наиболее ярко проявляется в промышленной политике.

В общем виде, японская научная литература определяет промышленную политику как совокупность мер государственного воздействия, направленного на формирование отраслевой структуры промышленности с целью повышения эффективности использования факторов производства.

Начиная с послевоенного периода государство в Японии приступило к «структурированию» экономического роста, т.е. к проведению промышленной политики, которая отличалась комплексностью, последовательностью и целенаправленностью.

Целесообразно рассмотреть основных действующих лиц промышленной политики Японии. Доминирующую роль играет японское государство, наряду с ним в проведении промышленной политики значительное место занимают и другие организации.

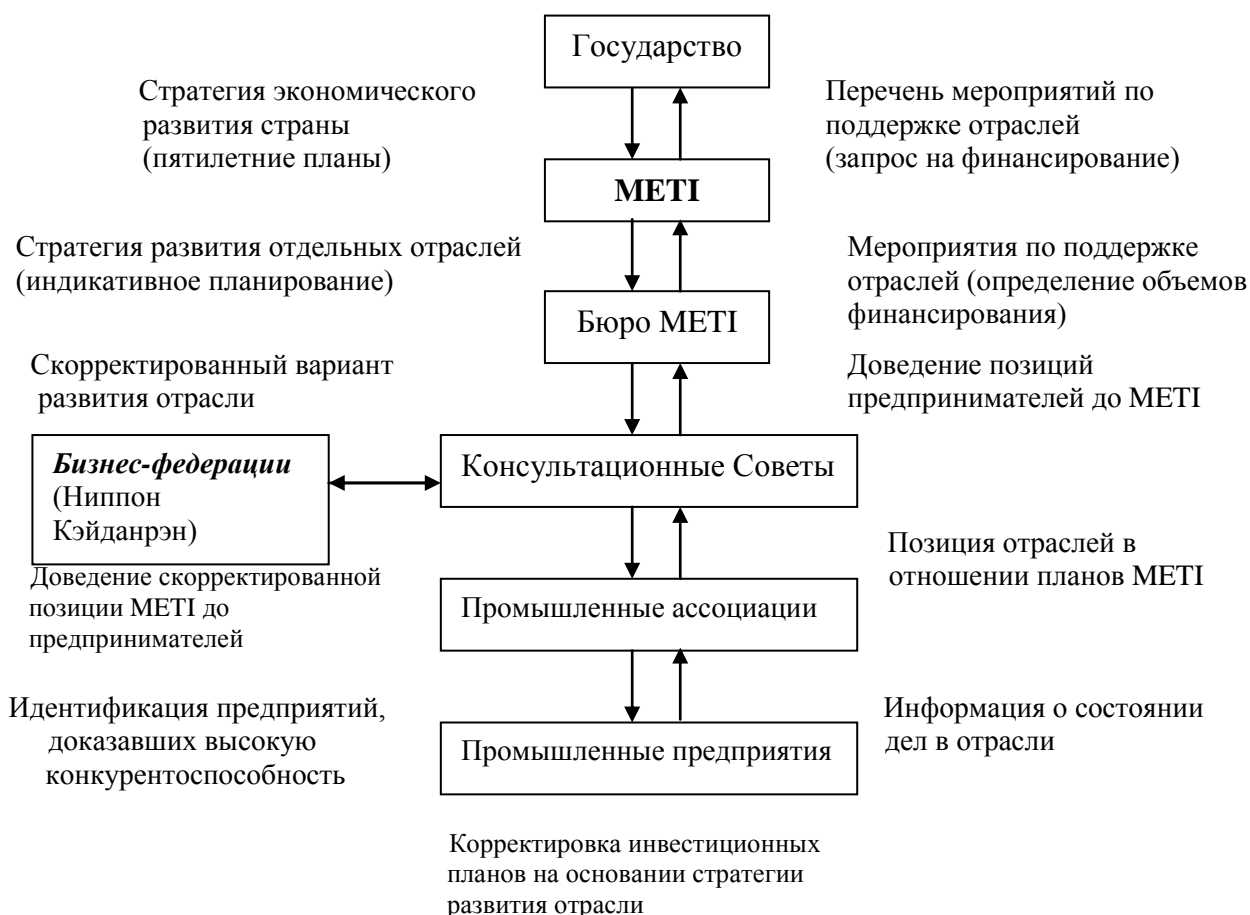
Промышленные ассоциации являются важным звеном в разработке межотраслевых интересов, а также средством коммуникации между отраслями и правительством. Наряду с промышленными ассоциациями система организации разработки промышленной политики включает бизнес-федерации. В Японии наиболее влиятельными являются следующие организации: Кэйданрэн, Кэйдзай Доюкай, Никкэйрэн и Ниссё.

Для координации экономической политики была создана специальная экономическая организация «Кэйданрэн», федерация более 110 ведущих промышленных ассоциаций. В составе этой организации действуют комитеты, которые проводят исследования по вопросам развития бизнеса. Идеологией «Кэйданрэн» является свободное предпринимательство, однако в своих действиях она исходит из интересов не только частного сектора, но и государства.

Кэйданрэн представляет собой отраслевые и территориальные ассоциации финансовых и промышленных кругов, а также банки и корпорации, она способствовала: развитию японской экономики путем содействия либерализации торговли, поощрению международной конкуренции, проведению административной и налоговой реформы. Никкэйрэн занималась вопросами трудовых отношений, во многом способствовала созданию системы трудового менеджмента в Японии.

За годы существования Кэйданрэн и Никкэйрэн наладили постоянное взаимодействие. В условиях затянувшегося кризиса японской экономики назрела необходимость в совместном решении насущных проблем. С 2001 г. в Японии начала проводиться реорганизация правительственной структуры. В 2002 г. появилась самая крупная общенациональная организация предпринимателей – Ниппон Кэйданрэн. Новая организация призвана сыграть важную роль в возрождении экономики страны, прежде всего, решить задачу оживления активности промышленных кругов, страдающих от дефляции [5].

Механизм проведения промышленной политики Японии менялся от прямого административного вмешательства до мер стимулирующего характера. Представим наглядно этот механизм в общем виде на рис. 1.

Составлено по: [6; 7; 8; 9; 10; 11]

Рис. 1. Механизм реализации промышленной политики Японии

Анализируя представленный механизм промышленной политики Японии можно отметить, что существует вертикальный поток информации, идущий как со стороны государства до предприятий, так и обратной связью. На уровне правительства определяются генеральные пятилетние планы, а на следующем уровне соответствующие ведомства МЕТІ выделяют приоритетные отрасли дальнейшего финансирования. Затем Бюро МЕТІ осуществляет индикативное планирование развития отдельных отраслей, т.е. разрабатываются детализированные планы дальнейшего развития.

На уровне Консультационных советов и промышленных ассоциаций доводится до деловых кругов позиция МЕТІ в области конкретной отрасли производства. В свою очередь, на уровне предприятий идет разработка собственных планов на основе общегосударственных стратегий. Затем работает механизм обратной связи, в результате которого правительству докладываются необходимые объемы финансирования, необходимого для достижения планируемого уровня развития.

На протяжении всей послевоенной экономики представленный механизм проведения промышленной политики активно действовал.

Первый этап - этап восстановления (1946-1948 гг.), хотя темпы роста промышленности в этот период были высокими, однако, они были обеспечены за счет повышения степени загрузки существующих производственных мощностей, а не за счет создания новых. В целом на данном этапе сохранялась довоенная структура производства, в которой преобладала доля отраслей легкой промышленности (текстильная). Здесь притворялась в жизнь концепция «кэйся сэйсан хосики», т.е. «система приоритетных производств», основная идея которой – дать толчок развитию определенных отраслей и постепенно вывести экономику из разлухи [12]. Для восстановления экономики было решено расширить производство угля (основной энергоноситель Японии). В результате угледобыча и черная металлургия стали приоритетами развития.

С созданием в 1949 г. при MITI Совета по рационализации производства начался второй этап промышленной политики (1950-е гг.). Целью политики провозглашалось повышение эффективности и технического уровня японских промышленных предприятий путем концентрации усилий на: повышении качества используемого сырья, обновлении производственных мощностей, модернизации всей системы управления предприятием. Было выделено около 50 приоритетных производств.

На данном этапе изменился сам механизм реализации промышленной политики – от прямого вмешательства в деятельность частного сектора государство перешло к использованию мер стимулирующего характера.

Главным направлением развития японской промышленности 70-80-х гг. стало урегулирование положения дел в структурно больных отраслях (отрасли с высокой энерго- и материалоемкостью: черная и цветная металлургия, нефтехимия, целлюлозно-бумажная промышленность, отрасли легкой промышленности, судостроение).

В 90-е гг. METI продолжало регулировать развитие промышленности, хотя его масштабы, объекты и цели существенно изменились. В силу вступили несколько законов, целью которых стала поддержка усилий предприятий по перестройке производства. Предприятие, желавшее получить поддержку государства, должно представить в Министерство «План обновления производства». Если он получает одобрение, предприятие может рассчитывать на льготы: низкопроцентные кредиты Банка развития, введение льготной 25 % -ной нормы амортизации для нового оборудования, льготное налогообложение доходов, льготы по налогу на недвижимость и др.

Японские специалисты отмечают, что принятие данного закона свидетельствует о достижении консенсуса между бизнесом и государством в отношении необходимости продолжения промышленной политики, которая существует как одно из направлений государственного регулирования. Если раньше она представляла собой мощный механизм, определявший стратегию и ход промышленного развития страны, то теперь это точечное воздействие на этот процесс.

Подводя итоги анализа формирования и реализации промышленной политики в Японии в целом, можно с уверенностью сказать, что она создала благоприятные условия для развития базовых отраслей и способствовала формированию благоприятного инвестиционного климата.

В частности, наибольший положительный эффект был достигнут в следующих областях: в автомобильной промышленности был выстроен полноценный механизм реализации промышленной политики (займы Японского Банка развития, схема ускоренной амортизации, субсидии на НИОКР); в электронной отрасли (проект VLSI в области производства полупроводников) [12].

2. Современный этап развития промышленной политики Японии

С конца 2008 г. правительство Японии начало принимать антикризисные меры, которые характеризуются четкой структурированностью. Проводимая антикризисная программа имеет три основные цели:

1. снятие общественного беспокойства (акцент на поддержание стабильного уровня жизни и занятости населения, повышение уровня медицинского и социального обеспечения и поддержку образования);

2. создание «общества устойчивости» (через энергосбережение, сильное сельское, лесное и рыбное хозяйство – доведение самообеспеченности продовольствием до 50 %);

3. содействие адаптации к новой структуре издержек и усиление потенциала роста через поддержку малых и средних предприятий.

Для достижения поставленных целей были приняты дополнительные бюджеты. В совокупности выделенные бюджетные средства на антикризисную программу составляют 750 млрд. долл., в том числе 120 млрд. долл. на прямые выплаты и налоговые льготы (2 % ВВП страны).

Что касается направления поддержки, то японское правительство определило три приоритетных направления: повседневная жизнь людей, малый и средний бизнес, региональная политика.

Заложенные в бюджете 2009 г. антикризисные меры по поддержанию повседневной жизни людей включают: страхование по безработице; поддержка внутреннего спроса напрямую через людей (введение ежегодных субсидий на взрослого – 12 тыс. иен, на ребенка – 20 тыс. иен); создание фонда поощрения введения новых рабочих мест в регионах; снижение налоговых ставок для физ. лиц. Помощь малому и среднему бизнесу включает гарантии по чрезвычайным займам и специальные кредиты (снижение налога на прибыль малых и средних предприятий до 18 %).

Третьим направлением поддержки с помощью дополнительных бюджетных средств государство определило региональную политику. Новые составляющие включают: децентрализацию власти, расширение полномочий местных и региональных властей; компенсацию сокращения налоговых поступлений; увеличение доли остающихся в регионе национальных налогов.

В условиях глобального кризиса в Японии была разработана «Стратегия нового экономического роста», в которой кроме уже обозначенных антикризисных мер, основными направлениями на долгосрочную перспективу являются: высокие экологические стандарты (энергосберегающие технологии, снижение парникового эффекта, активное использование нетрадиционных видов энергии); высокие стандарты здравоохранения и высокая продолжительность жизни; разработка новой стратегии развития информационно-коммуникационных технологий; мобилизация внутренних ресурсов страны (создание известных брендов, развитие туризма и др.).

Одним из основополагающих принципов антикризисной политики Японии является принцип государственности. В кризисных условиях весьма важно возвращение государства в экономику региона. Однако формы и механизм его присутствия должны быть новыми, а характер государственного регулирования кардинально изменен. Дерегулирование нуждается в замене на регулирование с учетом кризисной ситуации. Государственные инвестиции в регионе должны стать не столько главным источником, а катализатором частных инвестиций.

В частности, в развитии экономики России принцип государственности должен реализовываться через национальные проекты, государственно-частное партнерство, государственные компании и введение элементов госмонополии в экспортно-ориентированных сырьевых отраслях экономики.

России следует особо обратить внимание на японский опыт расширения внутреннего спроса за счет поддержки доходов населения через введение субсидий населению – весьма эффективная мера в условиях кризиса. Такая практика существенно смягчает последствия финансового кризиса на уровне семей, помогает укрепить доверие населения к власти. В регионе это поможет снизить социальную напряженность. Кроме ориентации на поддержку населения в социальной сфере, следует обратить внимание на создание инфраструктуры регионов.

Заключение

Государственное планирование экономики в Японии носит наглядный пример системного подхода к планированию. В экономике этой страны государство играет огромную роль, демонстрируя эффективность своего вмешательства для координации и состыковки интересов регионов, частного бизнеса и населения страны, проводя планомерную промышленную политику. При этом государство своевременно реагирует на изменения в мировой экономике и детально прорабатывает четкий план действий, согласно новым условиям экономического развития.

Обобщим выводы, сделанные нами в рамках оценки промышленной политики Японии:

- государство в Японии является важнейшей составляющей экономической системы (ведущая роль Министерства экономики, торговли и промышленности);
- государственное планирование экономики в Японии носит наглядный пример системного подхода к планированию, являясь важнейшим элементом государственной национальной и региональной политик;

- государственные экономические планы, содержащие программу государственных инвестиционных расходов с разбивкой по отраслям, оказывают значительное влияние на экономику Японии как на макроуровне, так и на микроуровне, стимулируя корпорации осуществлять стратегическое планирование своего развития;

- наряду с доминирующей ролью государства в проведении промышленной политики значительную роль играют промышленные ассоциации и бизнес-федерации, которые активно включены в механизм реализации промышленной политики страны, их действия четко скоординированы на всех уровнях;

- государство непосредственно участвует в региональном экономическом развитии через предпринимательскую и финансовую деятельность общественных корпораций;

- распространенной формой совместного участия государства и частного сектора в реализации проектов регионального развития – создание компаний «третьего сектора» в качестве оптимальной формы привлечения частного капитала к общественно полезной деятельности (развитию инфраструктуры);

- японская региональная экономическая политика опирается на прочную основу законодательно закреплённой системы финансово-экономических отношений между федеральным и местным управлением;

- особенностями территориальной структуры японской экономики являются: ярко выраженная диспропорциональность; исторически сложившаяся ориентировка промышленности Японии на экспорт определила сосредоточение ее на тихоокеанском побережье страны, сформировав Тихоокеанский промышленный пояс;

- основополагающий принцип современной антикризисной политики Японии – принцип государственности, который предполагает «возвращение» государства в экономику региона; при этом основным направлением поддержки с помощью дополнительных бюджетных средств была определена региональная политика.

Благодарности

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности по заданию № 26.1478.2014/К «Структурные преобразования экономики России посредством интеграционного встраивания в отраслевые рынки АТР».

Примечания:

1. Гринберг Р. Российская структурная политика: между неизбежностью и неизвестностью / Р. Гринберг // Вопросы экономики, 2008. № 3. С. 46-57.

2. Chalmers Johnson, MITI and Japanese Miracle. The Growth of Industrial Policy, 1925-1975. Stanford University Press, Stanford, California, 1992.

3. Портер М., Такеути Х., Сакакибара М. Японская экономическая модель / М. Портер, Х. Такеути, М. Сакакибара. Может ли Япония конкурировать? М.: 2005. С.42-43.

4. Okuno-Fujiwara M., Suzumura K. Economic Analysis of industrial Policy: A Conceptual Framework Through the Japanese Experience / М. Okuno-Fujiwara, К. Suzumura. Tokyo, 1985. pp. 31-42.

5. Тимонина И.Л. Япония: региональная экономика и политика / И.Л. Тимонина. М.: Институт востоковедения РАН, 2002. 379с.

6. Бутуханов А.В. Механизм реализации промышленной политики в Японии: автореф. дис. канд. эконом. наук / А.В. Бутуханов. Хабаровск: Издательство ХГАЭП, 2005. 24 с.

7. Edgington D.W. The Geography of Endaka: Industrial Transformation and Regional Employment Changes in Japan / D.W. Edgington // Regional Studies, Vol.28.5, pp.521-535.

8. Sato Hitoshi. Effects of CEO's characteristics on internationalization of small and medium enterprises in Japan. 2011. [Electronic resource]. URL: <http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/11e026.pdf>

9. Дружинин Н.Л. Институциональные факторы развития послевоенной экономической системы Японии / Н.Л. Дружинин. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2007. 195 с.

10. Авдулов А., Кулькин А. Государственная научно-техническая политика Японии / А.Авдулов, А. Кулькин. М., 2000. С. 30.

11. Rodrik D. Industrial Policy for the Twenty-First Century / D. Rodrik. KSG Faculty Research Working Paper Series 2004, RWPO4-047. Cambridge, MA, Harvard University, John F. Kennedy School of Government, 2004, p. 36-37.

12. Лебедева И.П. Япония: промышленность и предпринимательство (вторая половина XX – начало XXI в.) / И.П. Лебедева. Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост.лит., 2007. 223 с.

References

1. Grinberg R. Rossiiskaya strukturnaya politika: mezhdru neizbezhnost'yu i neizvestnost'yu / R. Grinberg // Voprosy ekonomiki, 2008. № 3. S. 46-57.
2. Chalmers Johnson, MITI and Japanese Miracle. The Growth of Industrial Policy, 1925-1975. Stanford University Press, Stanford, California, 1992.
3. Porter M., Takeuti Kh., Sakakibara M. Yaponskaya ekonomicheskaya model' / M. Porter, Kh. Takeuti, M. Sakakibara. Mozhet li Yaponiya konkurirovat'? M.: 2005. S.42-43.
4. Okuno-Fujiwara M., Suzumura K. Economic Analysis of industrial Policy: A Conceptual Framework Through the Japanese Experience / M. Okuno-Fujiwara, K. Suzumura. Tokyo, 1985. pp. 31-42.
5. Timonina I.L. Yaponiya: regional'naya ekonomika i politika / I.L. Timonina. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2002. 379s.
6. Butukhanov A.V. Mekhanizm realizatsii promyshlennoi politiki v Yaponii: avtoref. dis. kand. ekonom. nauk / A.V. Butukhanov. Khabarovsk: Izdatel'stvo KhGAEP, 2005. 24 s.
7. Edgington D.W. The Geography of Endaka: Industrial Transformation and Regional Employment Changes in Japan / D.W. Edgington // Regional Studies, Vol.28.5, pp.521-535.
8. Sato Hitoshi. Effects of CEO's characteristics on internationalization of small and medium enterprises in Japan. 2011. [Electronic resource]. URL: <http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/11e026.pdf>
9. Druzhinin N.L. Institutsional'nye faktory razvitiya poslevoennoi ekonomicheskoi sistemy Yaponii / N.L. Druzhinin. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, 2007. 195 s.
10. Avdulov A., Kul'kin A. Gosudarstvennaya nauchno-tehnicheskaya politika Yaponii / A.Avdulov, A. Kul'kin. M., 2000. S. 30.
11. Rodrik D. Industrial Policy for the Twenty-First Century / D. Rodrik. KSG Faculty Research Working Paper Series 2004, RWPO4-047. Cambridge, MA, Harvard University, John F. Kennedy School of Government, 2004, p. 36-37.
12. Lebedeva I.P. Yaponiya: promyshlennost' i predprinimatel'stvo (vtoraya polovina KhKh – nachalo XXI v.) / I.P. Lebedeva. In-t vostokovedeniya RAN. M.: Vost.lit., 2007. 223 s.

УДК 338

Анализ японского опыта реализации промышленной политики

¹ Наталья Викторовна Кузнецова

² Наталья Александровна Воробьева

¹⁻² Дальневосточный федеральный университет, Российская Федерация

¹ Доктор экономических наук, профессор

E-mail: ipatovanat@mail.ru

² Кандидат экономических наук, доцент

Аннотация. В работе проводится анализ практического опыта развития промышленной политики Японии, в рамках которого удалось преодолеть существенные проблемы в социально-экономическом развитии страны. Японский опыт проведения промышленной политики является уникальным, в связи с тем, что правительство страны поэтапно проводит плановую экономическую политику комплексного развития промышленности на макро и микро- уровнях, при этом делая акцент на конкурентных преимуществах отдельных регионов страны и на активное вовлечение частного бизнеса в различные проекты государственно-частного партнерства. При этом, механизм проведения промышленной политики Японии продемонстрировал свою жизнеспособность в различные исторические периоды развития экономики страны.

Ключевые слова: промышленная политика, Япония, планирование, государственное регулирование.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 104, Is. 3, pp. 156-167, 2016

DOI: 10.13187/er.2016.104.156
www.erjournal.ru

UDC 33

Relationship between Remittance and Economic Growth in Bangladesh: an Autoregressive Distributed Lag Model (ARDL)

¹Shapan Chandra Majumder
²Zhang Donghui

¹ Department of Economics, Comilla University, Bangladesh
PhD Candidate, School of Economics, Shandong University, P.R. China, Assistant Professor
E-mail: scmajumder_71@yahoo.com

² School of Economics, Shandong University, P.R. China
PhD Supervisor, Professor of Economics,
E-mail: zdh@sdu.edu.cn

Abstract

This study examines the long-run impact of remittances on economic growth in Bangladesh. Bangladesh, being one of the top remittance-recipient countries in the world, has drawn attention to the remittance-output relationship in recent years. In 2014, remittances contributed to 8.2% of GDP of Bangladesh while the contribution was 6.7% in 2006. The main objective of this study is to investigate the impact of the remittance on economic growth (GDP). We adopted Autoregressive Distributed Lag (ARDL) models or dynamic linear regressions are widely used to examine the relationship between remittances and economic growth in the country. In testing for the unit root properties of the time series data, all variables are found stationary at first differencing level under the ADF and PP stationary tests. The study made use of diagnostic tests such as the residual normality test, heteroskedacity and serial autocorrelation tests for misspecification in order to validate the parameter estimation outcomes achieved by the estimated model. The stability test of the model is also checked by CUSUM test. The ARDL model presents that there exist a statistically significant long run positive relationship between remittance and economic growth of gross domestic product in Bangladesh.

Keywords: remittance, gross domestic product (GDP), autoregressive distributed lag (ARDL), cointegration, error correction model (ECM).

1. Introduction

International migration can be considered as one of the most significant factor affecting economic and sociopolitical development in the developing and developed countries in the 21st century. This could be due to the rapid increase in the volume of workers' remittances flows, and the resultant dependency on them by a number of economies to cushion external shocks, spur development, and reduce poverty levels (Paranavithana, 2014). Remittances from international migration play a significant role for a positive current account balance of Bangladesh as; the World Bank (2014) reported Bangladesh was the seven largest economy of remittance receiver (US \$ 14.22 billion) in Fiscal Year (FY) 2013-14. Remittances are conventionally defined as transfers of a

sum of money that follow unidirectional paths from a migrant to his or her sending relatives and or friends, community, and country (Cohen 2011, Maimbo and Ratha 2005). According to new data released by the United Nations, there were 232 million international migrants (or 3.2 percent of world population) in 2013, up from 175 million in 2000. Today, remittances are recognized as one of the most important sources of global development finance. Remittance flows to developing countries are estimated to total \$404 billion in 2013, up 3.5 percent compared with 2012. Growth in remittance flows to developing countries is expected to accelerate to an annual average of 8.4 percent over the next three years, raising flows to \$436 billion in 2014 and \$516 billion in 2016 according to the latest issue of the World Bank's Migration and Development Brief (World Bank 2014). They are the second largest source, behind foreign direct investment, of external funding for developing countries and three times the size of official development assistance while supplementing the domestic incomes of millions of poor families across the world (Natacha 2012). Remittances remain a key source of external resource flows for developing countries like Bangladesh, far exceeding official development assistance and more stable than private debt and portfolio equity flows (World Bank 2014). The Global Migration Origin Database estimates that 6,832,522 Bangladeshis live abroad, representing less than 5% of the total population and less than 10% of the total labour force. Similarly, the Bangladesh Bureau of Manpower, Employment and Training (BMET) estimates that 5.8 million Bangladeshi workers are abroad, 31% of which are in Saudi Arabia and 24% in the UAE (IOM; 2010).

Remittance is a significant source of external finance into Bangladesh. Remittances are now competing with the RMG industry as the largest source of foreign currency earnings for Bangladesh economy and are higher than net foreign direct investment (FDI). For example, data from the Bangladesh Central Bank show that export earnings from RMG in 2003 were estimated at US\$ 2.29 billion while net earnings from official remittances reached US\$ 3.063 billion (Siddiqui, 2003). Furthermore, the WB calculated that in recent years, a remittance inflow to Bangladesh has been crucial in stabilizing the current account surplus, despite a widening trade deficit (World Bank 2010). Remittance flows into developing countries have been rising over the years and of the 10 highest remittance recipient countries in 2008, six of them were developing countries; in order of remittance totals they were China, India, Mexico, Philippines, Nigeria and Bangladesh (OECD, 2009). Given the scale of remittance transfer, from a development point of view, remittances can potentially impact local livelihoods and development in the receiving countries. More interesting however, is the potential use of remittance flows for poverty reduction. Remittances alone however are unlikely to lift people out of poverty; rather, it is their interplay with other economic, social and cultural factors which determine the scale and type of impact remittances can have on poverty reduction. Thus, the focus should be on what remittances can add to the process of moving people out of poverty or reducing their vulnerability to poverty (Chimhowu et al., 2003).

The main objective of this paper is to empirically examine the relationship between remittance and its impact on economic growth in Bangladesh using the time series analysis. The study applies Autoregressive Distributed Lag (ARDL) model based on Cointegration and Granger-causality tests to determine the nature and pattern of causality between remittance and GDP growth in the country. In testing for the unit root properties of the time series data, the variables are subjected to the Augmented Dickey-Fuller (ADF). The study made use of diagnostic tests such as the residual normality test, heteroskedacity and serial autocorrelation tests for misspecification in order to validate the parameter estimation outcomes achieved by the estimated model. The stability test of the model is also checked by CUSUM test.

The rest of the study is organized as follows. Section 2 Remittances and Economic Growth in Bangladesh, Section 3 presents the Review of related Literature. Section 4 discloses the Empirical Analysis of the study. Section 5 discusses the Empirical Results while Section 6 Concludes of the study.

2. Remittances and Economic Growth in Bangladesh

Remittances play an important role in Bangladesh's economy, as is the case in many developing countries. According to the World Bank, Bangladesh is one of the top 10 remittance countries in the world. As seen in Table 1, total remittance inflows grew faster than GDP growth, from US\$4.8 billion in 2006 to US\$14.22 billion in 2014. Remittances as a percentage of GDP also grew, from 6.7% in 2006 to 8.2% in 2014. They also grew faster than exports of goods and services,

increasing from 37.0% in 2005 to 50.6% in 2010, though later declining to 43.1% in 2011. This decline is due to the fact that exports of goods and services in 2011 experienced a sudden 24.4% jump, rather than a decline in remittances. Remittances increased by a modest 6.0% in that year as shown in the table below (USAID and DFID, 2014). Saudi Arabia, the United Arab Emirates, Kuwait, the United States, and the United Kingdom are the top five country sources (in descending order) of Bangladeshi remittances; 78.2% of total remittances in 2011 originated from these countries. Bangladesh migrants to these countries account for more than 73% of the total migrants. Remittance inflows totaled US\$3.3 billion, a decline of 8.1% in the first three months of FY 2014 over the corresponding period of FY 2013, when they totaled US\$3.6 billion. Remittance inflows declined due to a large drop in out-of- country employment, especially in Middle Eastern countries. It should be noted, however, that the large and generally increasing level of personal remittances during 2005-2011 as shown in Table 1, emanating from Bangladeshi workers who have migrated abroad looking for work, serves as a red flag indicating a significant failure of the domestic economy to generate good jobs at home to employ Bangladesh's steadily growing labor force (USAID and DFID, 2014).

Table 1: Bangladesh Remittances as Percent of GDP and Export Earnings

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Remittances (Bill.US\$)	4.8	5.98	7.92	9.69	10.99	11.65	12.84	14.47	14.22
Remittance (% of GDP)	6.7	7.5	8.6	9.5	9.5	9.1	9.6	9.6	8.2
Exports (% of GDP)	14.5	17.5	15.4	15.2	14.1	17.6	18	17.7	17.1
Remittances (% of exports)	45.6	49.1	56.1	62.3	67.8	50.8	52.8	53.5	47.1

Source: Bangladesh Economic Review, 2014.

IMF (2005) notes that the inflow of remittances on the macro-economy can lead to accelerated long-run growth as a result of additional investments in physical and human capital. According to Chami et al. (2008), remittances can increase growth by increasing investment in physical capital and human capital, and by developing the financial system in the recipient country. If there are significant financial constraints in the country that keep a large group of households from the credit market, remittances may help ease that constraint and lead to increases in the domestic investment rate. A significant portion of remittances is spent on acquiring education and nutrition, leading to a higher rate of human capital accumulation. This leads to total factor productivity and subsequent growth. In addition to the increase in higher accumulation physical and human capital, remittances can have a positive impact on growth by affecting the recipient countries' financial system. Remittances can lead to an increase in the demand for money, and expand the supply of funds in the recipient countries' banking system. This contributes to the financial development of the remittance recipient economies and subsequently causes higher economic growth. However, the effect of remittances on long-term economic growth may also be negative. For instance, inward remittances are by-products of outflows of the work force – often skilled or semi-skilled – that should negatively affect growth (World Bank 2005).

However, it is virtually argued that remittances coming by informal channels such as, *hundi*, relatives or friends and by self in forms of goods or cash are almost no less than that coming via formal channels. Therefore, the figure of remittance will immensely accelerate if these informal channels are controlled and, correspondingly, the legal channels are ensured.

3. Literature Review

There is a vast scholarship on remittances of developing, less developed (LDCs), and South Asian countries, however, studies are quite less on that of Bangladesh. As remittances are one of the most prominent ingredients of the economic growth of Bangladesh, it requires very comprehensive studies to enhance its ongoing contribution to the country.

IMF (2005) study using time invariant instrument by applying cross-section data for 101 countries within the period ranging from 1970 to 2003, finds no statistically significant effect of remittances on economic growth. Jongwinich (2007) shows the impact of remittance on growth and also how remittance results in alleviation of poverty. He concluded that there are marginal positive effects on economic growth in Asia and Pacific countries. The findings of IMF (2005) were similarly negative but significant when measuring the impact of remittance on growth. Barguelli et al. (2013), they use panel data analysis of two groups of countries over the 1990-2006 period seems to point to the existence of a relationship between the studied variables. The first group of countries consists of the largest remittances-recipient countries in GDP percentage. The second group includes countries recipient of the largest remittances in amounts. The obtained results indicate that remittances have direct and indirect effects, only for the first group of countries. However, these effects disappear for the second group of countries.

Kyophilavong *et al.* (2013), they conclude that the long-run relation between remittances, financial development and economic growth are country specific, and that remittance and financial development could promote economic growth in developing countries. Therefore, policy makers in developing countries should eliminate the barriers to remittance and promote financial development in order to stimulate economic development. Bayar (2015), in his study shows that the causal relationship among the real GDP per capita growth, personal remittances received and net foreign direct inflows in the transition economies of the European during the period 1996-2013 by using causality test. He finds that there is unidirectional causality from remittances and foreign direct investment inflows to the economic growth. Shahzad *et al.* (2014), their research explain that Fully Modified OLS and Dynamic Ordinary Least Square estimation analysis reveal positive impact of capital, remittances, exports, and FDI on economic growth whereas a negative impact of labor on growth is observed. The causality analysis confirms the presence of long term equilibrium relation among economic growth, labor, capital, remittances, exports, and FDI. In short run, exports Granger cause growth and FDI Granger cause exports. Feedback causality is also confirmed between remittances and capital in the South Asian countries.

Adams (2009), in his study analyzes that DI is positive and significantly correlated with economic growth in both the OLS and fixed effects estimation. The study also found that FDI has an initial negative effect on DI and subsequent positive effect in later periods for the panel of countries studied. Bettin and Zazzaro (2009), in their paper they analyses the relationship between remittances and the level of financial development in economic growth. Using a panel of 66 developing countries for the period 1991-2005, authors show that an efficient banking system complements the positive effect of remittances on GDP growth. Abida and Sghaier (2014), using system Generalized Method of Moment (GMM) panel data analysis, they find strong evidence of a positive relationship between remittances and economic growth. Ramirez and Sharma (2008), using recently developed panel unit root and panel cointegration tests and the Fully Modified OLS (FMOLS) methodology in their research find that remittances have a positive and significant effect on economic growth in selected upper and lower income Latin American and Caribbean countries.

Siddique, *et al.* (2010), they investigate the causal link between remittances and economic growth in three countries, Bangladesh, India and Sri Lanka, by employing the Granger causality test. They find that growth in remittances does lead to economic growth in Bangladesh. In India, there seems to be no causal relationship between growth in remittances and economic growth; but in Sri Lanka, a two-way directional causality is found; namely economic growth influences growth in remittances and vice-versa. Stahl and Habib (1989) argue that there is a multiplier effect of remittances. They explain that remittances increase savings, which then increase growth. They calculated the multiplier for Bangladesh for the period of 1976-1988 to be 1.24. Mahmud (2003) as well as Siddique (2004) claims that remittances foster growth in Bangladesh. Paul and Das (2011) find a long-run positive relationship between remittances and GDP, but that there is no evidence on remittance-led growth in the short run. Ali (1981) identifies that remittances help for favorable balance of payment. On the other hand, Rahman et al. (2006) and Rahman (2009) concludes that remittance seems to have insignificant and ambiguous effects on Bangladesh's GDP. Ahmed (2010) finds that flow of remittances to Bangladesh have been statistically significant but have a negative impact on growth.

4. Empirical Analysis of the Study

4.1 Variables, sources of data and the Model

This section sets the analytical framework used in this study by providing the model used to examine the impact of remittance on economic growth in Bangladesh from 1975-2013. This section also includes confirmation of data sources, research techniques and diagnostic tests employed in this study. This study explores the causal relationship between remittance and GDP growth in the short and long-run. In this section we estimate the impact of remittances on economic growth in Bangladesh. All the analysis of this paper has been conducted on the basis of secondary data. Most of the data are taken from World Development Indicators (WDI-2014), Economic Trends, Bangladesh Bank, Bangladesh Economic Review (Various Issues), Bangladesh Bureau of Statistics (BBS), Ministry of Foreign Affairs and Welfare, Bangladesh Association of International Recruiting Agency (BAIRA), Center for Policy Dialogue (CPD), UNCTAD and articles from reputed Journals and other sources. The study uses annual time series data from Bangladesh during 1975 –2013. All these sources of data are recognized and accepted and the provided information has been used widely in the country. So data and information of the sources incorporated in this analysis are reliable. The Augmented Dickey Fuller (ADF) unit root test is used to verify whether the variables are difference stationary.

In order to investigate the impact of remittance on GDP growth, we have specified following econometric model. The independent variables are remittance, money supply and inflation rate while the dependent variable is economic growth of GDP. The model is stated as follows:

$$Y = f(Rem, Trade, M2) \tag{1}$$

The econometric form of the equation can be written thus:

$$Y_t = \alpha + \beta Rem_t + \delta M2_t + \sigma Trade_t + U_t \tag{2}$$

The linear log stochastic form of the equation can also be presented as:

$$Y_t = \alpha + \beta L(Rem)_t + \delta L(M2)_t + \sigma L(Trade)_t + U_t \tag{3}$$

Where, Y = Growth Rate of Gross Domestic Product (annual %), LRem = Remittance (Million \$US), LM2 = Money Supply (% of GDP), LTrade = Trade (% of GDP), $\alpha, \beta, \delta, \sigma$ = parameters to be estimated, U = stochastic term, t = 1, 2, 3... 39 (time period is from 1975– 2013) and L = Natural log.

4.2 ARDL model specification

To empirically analyze the long-run relationships and dynamic interactions among the variables of interest, the model has been estimated by using the bounds testing (or autoregressive distributed lag (ARDL)) cointegration procedure, developed by Pesaran *et al.* (2001). The procedure is adopted for the following three reasons. Firstly, the bounds test procedure is simple. As opposed to other multivariate cointegration techniques such as Johansen and Juselius (Johansen 1988, Johansen & Juselius 1990), it allows the cointegration relationship to be estimated by OLS once the lag order of the model is identified. Secondly, the bounds testing procedure does not require the pre-testing of the variables included in the model for unit roots unlike other techniques such as the Johansen approach. It is applicable irrespective of whether the regressors in the model are purely $I(0)$, purely $I(1)$ or mutually cointegrated. Thirdly the ARDL model is more robust and performs better for a small sample size than standard cointegration methods (Pesaran & Shin 1999). This study uses the following ARDL model:

$$\Delta Y_t = \theta_1 + \sum_{i=1}^m \alpha_{1,i} \Delta Y_{t-i} + \sum_{i=1}^m \beta_{1,i} \Delta LRem_{t-i} + \delta_1 Y_{t-1} + \delta_2 LRem_{t-1} + \mu_{1,t} \tag{4}$$

$$\Delta Y_t = \theta_2 + \sum_{i=1}^m \alpha_{2,i} \Delta Y_{t-i} + \sum_{i=1}^m \beta_{2,i} \Delta LM2_{t-i} + \delta_1 Y_{t-1} + \delta_2 LM2_{t-1} + \mu_{2,t} \tag{5}$$

$$\Delta Y_t = \theta_3 + \sum_{i=1}^m \alpha_{3,i} \Delta Y_{t-i} + \sum_{i=1}^m \beta_{3,i} \Delta LTrade_{t-i} + \delta_1 Y_{t-1} + \delta_2 LTrade_{t-1} + \mu_{3,t} \tag{6}$$

Where m is the maximum lag length. δ_i are the long-run multipliers, θ_i are the drift and μ_t are white noise errors. The first step in the ARDL bounds testing approach is to estimate equation (4) to (6) by ordinary least squares (OLS) in order to test for the existence of a long-run relationship among the variables by conducting an F-test for the joint significance of the coefficients of the lagged levels of the variables, i.e., $H_0 = \delta_1 = \delta_2 = 0$ against the alternative

$H_1 \neq \delta_1 \neq \delta_2 \neq 0$. I denote the test which normalize on Y by $F_y (Y/ Rem, M2, IR)$. Similarly, in turn we compute the F-statistics when considering the other two variables as the dependent variable. Although Pesaran *et al.* (2001) provide the critical values of the lower- and upper-bounds for the F-test, the lower-bound critical values are based on the fact that all of the variables are $I(0)$

and the upper-bound critical values are $I(1)$. If the F-statistics exceed the upper bound; then co-integration among the variables in the LREMI exist, and the null hypothesis can be rejected. If the F-statistics are below the lower bound; then no long-run relation exists, and the null hypothesis cannot be rejected. If the F-statistics are within both bounds, then it is inconclusive. The approximate critical values for the F-statistics are obtained from Pesaran et al (2001) and Narayan (2005).

The next step is to find the optimal lag length from the estimation of the ARDL approach. The selection criteria for the optimal lags are mostly used to determine the order of the ARDL model. These criteria are the Schwarz Bayesian Criterion (SBC) and the Akaike Information Criterion (AIC). After estimating the ARDL model by the AIC or SBC criteria, the long-run relations of the variables can be estimated. With the establishment of a long-run relation, an estimation of the short-run parameters from the Error Correction Model (ECM) by using equations (7) to (9) is the next step. To ensure that the dynamics converge with the long-run equilibrium, the lagged ECM coefficient's sign must be negative and significant. The following is the formulation of a general correction model:

$$\Delta Y_t = \theta_1 + \sum_{i=1}^m \alpha_{1,i} \Delta Y_{t-i} + \sum_{i=1}^m \beta_{1,i} \Delta LRem_{t-i} + \vartheta_1 ECT_{t-1} + \mu_{1,t} \tag{7}$$

$$\Delta Y_t = \theta_1 + \sum_{i=1}^m \alpha_{2,i} \Delta Y_{t-i} + \sum_{i=1}^m \beta_{2,i} \Delta LM2_{t-i} + \vartheta_2 ECT_{t-1} + \mu_{1,t} \tag{8}$$

$$\Delta Y_t = \theta_1 + \sum_{i=1}^m \alpha_{3,i} \Delta Y_{t-i} + \sum_{i=1}^m \beta_{3,i} \Delta LTrade_{t-i} + \vartheta_3 ECT_{t-1} + \mu_{1,t} \tag{9}$$

Where ϑ_i which is expected to have a negative coefficient, is the speed of adjustment to equilibrium, ECT_{t-1} is the coefficient for the error correction term that is obtained from the estimation of the long-run equation and α_i, β_i are the short-run dynamic coefficient model's convergence to equilibrium. To ensure that the correct statistical methods are applied to the model, we conduct diagnostic and stability tests. The diagnostic tests comprise a test for the serial correlation, function form, normality, and the heteroskedasticity (Pesaran and Pesaran 2009). In addition, Brown et al.'s (1975) stability tests, also known as the cumulative sum (CUSUM) and cumulative sum of squares (CUSUMSQ) tests based on the recursive regression residuals, are used for that purpose.

5. Empirical Results

5.1 Unit Root Test

ARDL framework depends on the time series characteristics and nature of the data sets. So, initially we have to examine the order of integration. This is to assure that the variables of the model are not $I(2)$ stationary to avoid spurious outcomes. As Ouattara (2004) argues that, in the presence of $I(2)$ variables the computed F-statistics provided by Pesaran et al. (2001) are not valid. Because the bound test is based on the assumption that the variables are $I(0)$ or $I(1)$. Therefore, the implementation of the unit root tests in the ARDL approach might be necessary in order to ensure that none of the variables is $I(2)$ or beyond.

For this purpose, the ADF and PP methods are used to determine the stationarity of the variables and the results are presented in Table 2(a) and Table 2(b). The results of the Augmented Dickey-Fuller (ADF) test for the stationarity of the four original series are presented in Table 2(a) and Phillips-Perron test are presented in Table 2(b). The results show that ADF and PP t -values for all variables are greater than critical values; therefore, the series are non-stationary. The results show that all variables are non-stationary at levels. That is, they are not integrated at order zero $I(0)$ but they became stationary after first differencing $I(1)$. The PP unit root test results as reported in Table 2(b) confirmed results from ADF test.

Table 2(a): ADF test for unit root

Variables	Constant and No Trend			Constant and Trend			No Constant & No Trend		
	At Level	At Differenced	1 st	At Level	At Differenced	1 st	At Level	At Differenced	1 st
Y	-2.248594	-6.281999		-10.65406	-6.175484		0.022271	-6.335957	
LRem	-0.905162	-6.344524		-5.342115	-6.010659		1.600261	-5.699389	

LM2	0.402284	-7.136437	-1.560454	-7.332195	2.929546	-5.694321
LTrade	-0.315910	-8.414287	-1.817941	-5.957542	1.804965	-7.764566

Source: Author's Enviews output, Note: Test Critical Value at 1 percent level.

Table 2(b): Phillips-Perron test for unit root

Variables	Constant and No Trend			Constant and Trend			No Constant & No Trend		
	At Level	At Differenced	1 st	At Level	At Differenced	1 st	At Level	At Differenced	1 st
Y	-6.822525	-40.27035	-10.25375	-36.39530	-1.120999	-28.37128			
LRem	-1.852234	-2.555432	-2.416747	-1.968226	-1.428871	-2.629873			
LM2	0.835886	-7.156782	-1.459843	-8.258181	4.405306	-5.755419			
LTrade	-0.315910	-8.414287	-1.662439	-12.03302	2.577353	-7.604816			

Source: Author's Enviews output, Note: Test Critical Value at 1 percent level.

5.2 Bound Tests for Cointegration

Table 3 reports the results of the ADRL bounds cointegration tests. It shows the calculated F-statistic when the regression is normalized on the economic growth. The search for cointegrating relations has been restricted to growth variable as the dependent variable based on the fact that the study strictly utilized a growth regression model. The computed F-statistic (8.137967) is higher than the upper critical bound at 1%, 5% and 10% critical values as indicated in Table 3. This provided evidence to reject the null hypothesis of no cointegration at 1%, 5% and 10% significance level for the growth model. It can therefore be concluded from the ARDL bounds test that there is a long-run relationship among the variables. Following the establishment of long-run cointegration relationship among the variables, the long-run and short-run dynamic parameters for the variables are obtained. The empirical results of the long-run model are presented in Table 4, while the results of the error correction model are presented in Table 5.

Table 3: ARDL Bounds test for Cointegration

Model				F-statistics using lag 3			
F(Y, LRem, LM2, LTrade)				8.137967***			
Pesaran, et al.(2001)				Narayan (2005)			
Critical Value	Lower Value	Upper Bound	Upper Bound	Lower Value	Upper Bound	Upper Bound	Upper Bound
1 percent	3.74	5.06	5.06	4.768	6.670	6.670	6.670
5 percent	2.86	4.01	4.01	3.354	4.774	4.774	4.774
10 percent	2.45	3.52	3.52	2.752	3.994	3.994	3.994

Critical values are obtained from Pesaran et al. (2001), Table CI(iii) Case III: Unrestricted intercept and no trend, p. 300. Critical values are obtained from Narayan (2005), Table case III: unrestricted intercept and no trend, p. 10. *, ** and *** indicate significance at 10%, 5% and 1% levels, respectively.

Table 4: Estimated ARDL Long-Run Coefficients

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
C	2.332246	1.266597	1.841349	0.0821
D(Y(-1))	0.661304	0.311043	2.126084	0.0476
D(Y(-2))	0.437727	0.248298	1.762914	0.0949
D(Y(-3))	0.385827	0.119657	3.224448	0.0047
D(LREM(-1))	-0.000917	0.000821	-1.117333	0.2785
D(LREM(-2))	0.000135	0.001003	0.134767	0.8943

D(LREM(-3))	6.26E-05	0.000940	0.066593	0.9476
D(LM2(-1))	-0.147704	0.064468	-2.291122	0.0342
D(LM2(-2))	-0.123919	0.068429	-1.810897	0.0869
D(LM2(-3))	-0.098145	0.057452	-1.708301	0.1048
D(LTRADE(-1))	-0.047723	0.090877	-0.525135	0.6059
D(LTRADE(-2))	-0.013440	0.095223	-0.141142	0.8893
D(LTRADE(-3))	-0.014996	0.078170	-0.191832	0.8500
Y(-1)	-1.880399	0.410062	-4.585641	0.0002
LREM(-1)	-0.000347	0.000155	-2.237009	0.0382
LM2(-1)	0.146611	0.039845	3.679497	0.0017
LTRADE(-1)	0.115842	0.066011	1.754888	0.0963
R-squared	0.818361	Mean dependent var		-0.029817
Adjusted R-squared	0.656904	S.D. dependent var		1.457674
S.E. of regression	0.853823	Akaike info criterion		2.828267
Sum squared resid	13.12225	Schwarz criterion		3.583722
Log likelihood	-32.49467	Hannan-Quinn criter.		3.089050
F-statistic	5.068608	Durbin-Watson stat		2.172998
Prob(F-statistic)	0.000712			

Table 5 gives the results of the short-run dynamic coefficients associated with the long-run relationships obtained from the ECM equation. The error correction terms in the models are highly significant and correctly signed. This indicates adjustment to long-term equilibrium in the dynamic model. The coefficients of error correction term are (-1.644635). This implies that deviations from the remittance to economic growth adjust quickly. To ensure the fitness of the model, specification problems associated with serial correlation, normality and heteroskedasticity are checked with diagnostics tests, including the test for serial correlation (LM test), heteroskedasticity, and normality (JB (N)). The results are presented in table 6 below. Pesaran and Pesaran (1977) suggest using Brown et al. (1975) stability test. This technique is also known as cumulative (CUSUM) and cumulative sum of squares (CUSUMSQ). The CUSUM and CUSUMSQ statistics are updated recursively and plotted against the break points. If the plots of CUSUM and CUSUMSQ statistics stay in the critical bounds of 5 percent level of significance, the null hypothesis of all coefficients is the given regression are stable cannot be rejected.

Table 5: Error Correction Representation for the Selected ARDL Model

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
D(Y(-1))	0.538902	0.221557	2.432347	0.0236
D(Y(-2))	0.391989	0.202676	1.934062	0.0661
D(Y(-3))	0.401848	0.113875	3.528858	0.0019
D(LREM(-1))	-5.37E-05	0.000755	-0.071132	0.9439
D(LREM(-2))	-0.000158	0.000935	-0.169458	0.8670
D(LREM(-3))	0.000534	0.000686	0.778188	0.4447
D(LM2(-1))	-0.111814	0.050361	-2.220259	0.0370
D(LM2(-2))	-0.035606	0.050017	-0.711865	0.4840
D(LM2(-3))	-0.026222	0.046932	-0.558723	0.5820
D(LTRADE(-1))	0.019966	0.067709	0.294872	0.7709
D(LTRADE(-2))	0.020165	0.076189	0.264673	0.7937
D(LTRADE(-3))	0.068822	0.064496	1.067069	0.2975
ECT(-1)	-1.644635	0.281171	-5.849231	0.0000
R-squared	0.794598	Mean dependent var		-0.029817
Adjusted R-squared	0.682561	S.D. dependent var		1.457674

S.E. of regression	0.821278	Akaike info criterion	2.722642
Sum squared resid	14.83896	Schwarz criterion	3.300343
Log likelihood	-34.64624	Hannan-Quinn criter.	2.922065
Durbin-Watson stat	2.246969		

Table 5 indicates the underlying ARDL equation passes the diagnostic tests. The stability of the long-run coefficients, along with the short run dynamics of the estimated ARDL model are confirmed with the test of CUSUM and CUSUMSQ. As can be seen in Figure 1, the plot remains within critical bounds at 5% significance, accepting the null hypothesis that all coefficients and the ECM are stable.

Table 6: ARDL – VECM Model Diagnostic tests

Test Statistic	LM (χ^2)
Serial Correlation	0.7101
Normality	0.462708
Heteroskedasticity	0.5084

Source: Author’s Envies output

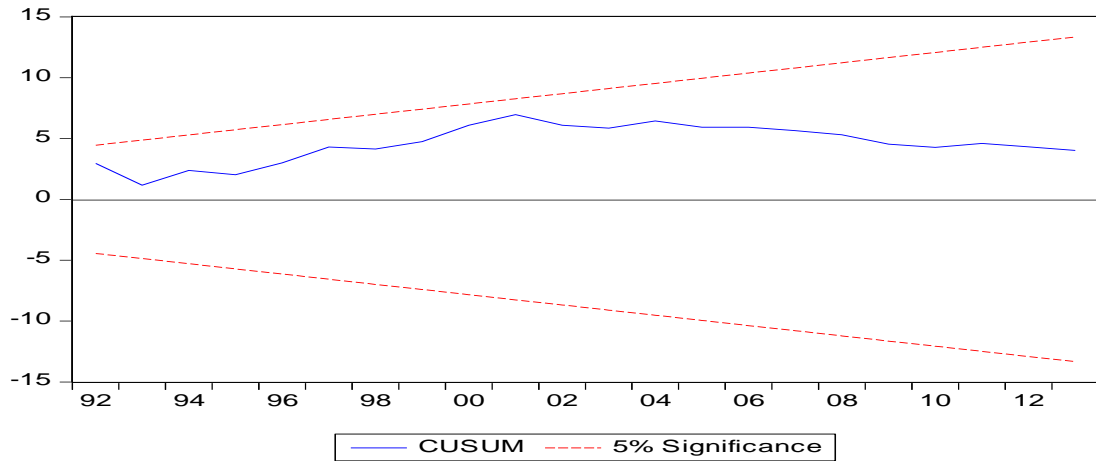

Figure 1: Stability Test (CUSUM Test)

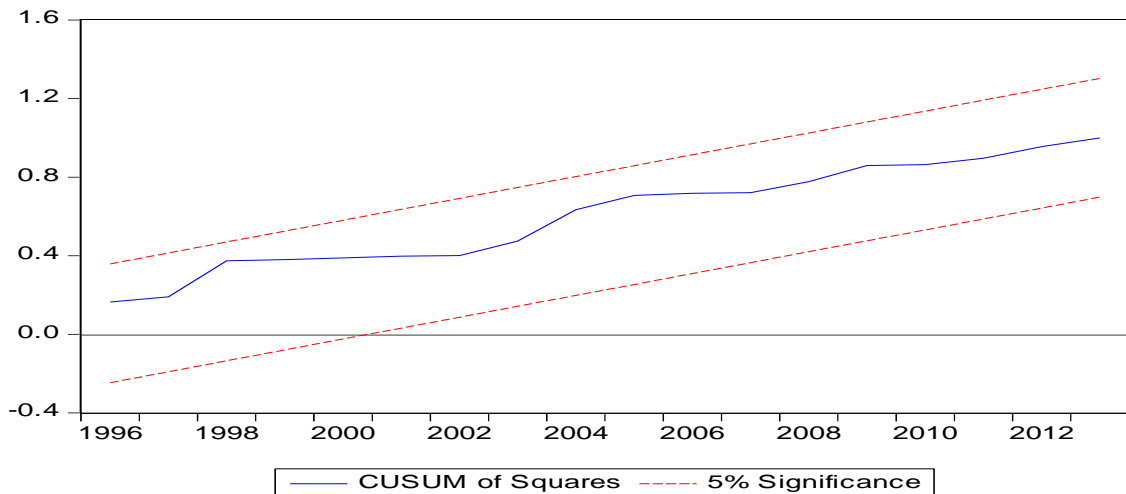

Figure 2: Stability Test (CUSUMSQ Test)

Conclusion

This study has examined the impact of remittances, trade and money supply on economic growth of Bangladesh, using time series data from 1975-2013 by employing Bounds testing approach. Bounds test suggested that the remittances have only the long-run positive relationship with economic growth of Bangladesh. The model having lag 3 is the best model and because it has no serial correlation, no heteroskedasticity and the residuals are normally distributed. The model is also stable. The model has getting towards long-run equilibrium at the speed of 1.644635. The model has no short-run causality from independent variables to dependent variable. It has long-run association among the variables and they move together. The error correction terms in the models are highly significant and correctly signed. This indicates adjustment to long-term equilibrium in the dynamic model. The coefficients of error correction term are (-1.644635). This implies that deviations from the remittance to economic growth adjust quickly. Faini (2002, 2003) also finds a positive relationship between growth and remittances using cross-country data.

References:

1. Abida, Z., and Sghaier, I. M., (2014). Remittances, Financial Development and Economic Growth: The Case of North African Countries. *The Romanian Economic Journal*, Volume- XVII no. 51, 137-170.
2. Adams, S. (2009). Foreign Direct investment, domestic investment, and economic growth in Sub-Saharan Africa. *Journal of Policy Modeling*, 31(6), 939-949.
3. Ahmed, M. S., (2010). Migrant Workers Remittance and Economic Growth: Evidence from Bangladesh. *ASA University Review*, Vol. 4 No. 1 (January-June), pp. 1-13;
4. Ali, S. A. (1981). An Analysis of the Institute of Home Remittance by Bangladeshi Workers Abroad on the National Economy in Labor Migration from Bangladesh to Middle East. Washington, DC: World Bank, *World Bank Staff Working Paper*, No. 454.
5. Barguelli, A., Zaiem, M. H., and Zmami, M., (2013). Remittances, Education and Economic Growth A Panel Data Analysis. *Journal of Business Studies Quarterly*, Volume 4, Number 3, 129-139.
6. Bayar, Y., (2015). Impact of Remittances on the Economic Growth in the Transitional Economies of the European Union. *Economic Insights – Trends and Challenges*, Vol.IV(LXVII) No. 3, 1-10. <http://www.upg-bulletin-se.ro/archive/2015-3/1.Bayar.pdf>
7. Bettin, G., and Zazzaro, A., (2009). Remittances and Financial Development: Substitutes or Complements in Economic Growth? Money & Finance Research Group, Hamburg, Germany. *Working Paper*, No-28.
<http://docs.dises.univpm.it/web/quaderni/pdfmofir/Mofiro28.pdf>
8. Brown R.L., J. Durbin, and J. M. Evans (1975). Techniques for testing the constancy of regression relationship over time. *Journal of Royal Statistical Society*, B37: 149–1491.
9. Chimhowu, A., Piesse, J., and Pinder, C., (2003). Assessing the Impact of Migrant Workers Remittances on Poverty', paper presented at the EDIAS Conference on New Directions in Impact Assessment for Development: Methods and Practice, 24-25 November, Institute of Development Policy and Management, University of Manchester, UK.
10. Cohen, J. H. (2011). Migration, Remittances, and Household Strategies. In *Annual Review of Anthropology*, 40: 103-114.
11. Faini R (2002). Development, Trade, and Migration. *Revue d'Économie et du Développement*. Proceedings from the ABCDE Europe Conference, 1–2, pp. 85–116.
12. Faini, R., (2003). The Brain Drain: An Unmitigated Blessing? Centro Studi Luca d'Agliano Development Studies *Working Paper* No. 173.
13. IMF (2005). World Economic Outlook, International Monetary Fund, Washington DC.
14. International Monetary Fund. (2005). Two Current Issues Facing Developing Countries. In *World Economic Outlook: Globalization and External Imbalances*. Washington D.C.: World Economic and Financial Surveys.
15. International Organization for Migration, (2010). Migration Remittances and Assets in Bangladesh.
16. Johansen, S. and Juselius, K., (1990). Maximum likelihood estimation and inference on cointegration-with application to the demand for money. *Oxford Bull. Econ. Stat.*, 52: 169-210.

17. Jongwanich, J., (2007). Worker's Remittances, Economic Growth and Poverty in Developing Asia and Pacific Countries: UNESCAP *Working Paper* 07/01. Bangkok, Thailand: Economic and Social Commission for Asia and Pacific.
18. Kyophilavong, P., Uddin, G. S., and Sjo, B., (2013). An examination of the remittance, financial development, and economic growth in developing countries. *Journal of Economic and Financial Modelling*, Vol.1 (1), pp.47-55.
19. Mahmud, Wahiduddin (2003). Bangladesh: Development Outcomes and Challenges in the Context of Globalization. Conference on the Future of Globalization at Yale University (Oct 10-11); available at: www.ycsg.yale.edu/activities/files/Wahid.doc.
20. Maimbo, S. M. and D. Ratha, eds. (2005). Remittances. Development Impact and Future Prospects. Washington: The World Bank.
21. Narayan, P. K., (2005). The saving and investment nexus for China: evidence from cointegration tests. *Applied Economics*, 37, 1979-1990.
22. Natacha, S., (2012). Remittances and Moral Economies of Bangladeshi New York Immigrants in Light of the Economic Crisis. Graduate School of Arts and Sciences, *COLUMBIA UNIVERSITY*.
23. OECD. (2009). International Migration Outlook, *Organisation for Economic Cooperation and Development*, Paris.
24. Paranavithana, H., (2014). Do Workers' Remittances Cushion Economic Growth in Sri Lanka? *International Journal of Business and Social Science*, Vol. 5, No. 10(1), 44-56.
25. Paul, B. P. and Das, A., (2011). The Remittance-GDP Relationship in the Liberalized Regime of Bangladesh: Cointegration and Innovation Accounting. *Theoretical and Applied Economics*, Vol. 18, No. 9 (September), pp. 41-60; available at: <http://store.ectap.ro/articole/636.pdf>.
26. Pesaran, M. H. and Y. Shin (1999). An autoregressive distributed lag modelling approach to cointegration analysis. In Strom, S. (ed.), *Econometrics and Economic Theory in the 20th Century: The Ragnar Frisch Centennial Symposium*. Chapter 11. Cambridge: Cambridge University Press.
27. Pesaran, M.H., Y. Shin and R.J. Smith, (2001). Bounds testing approaches to the analysis of level relationships. *Journal of Applied Economics*, 16: 289-326.
28. Pesaran, M.H. and B. Pesaran (2009). *Time Series Econometrics: using Microfit 5.0*. Oxford: Oxford University Press.
29. Rahman, M. (2009). Contribution of Exports, FDI, and Expatriates' Remittances to Real GDP of Bangladesh, India, Pakistan and Sri Lanka. *Southwestern Economic Review*, Vol. 36, pp. 141-153;
30. Rahman, M., Mustafa, M., Islam, M., and Guru-Gharana, K. K., (2006). Growth and Employment Empirics of Bangladesh. *Journal of Developing Areas*, Vol. 40, No. 1, pp. 99-114.
31. Ramirez, M. D., and Sharma, H., (2008). Remittances and Growth in Latin America: A Panel Unit Root and Panel Cointegration Analysis. Economics Department, Yale University, Working Paper No. 51.
32. Shahzad, S. J. H., Ali, S., Rehman, M.U., and Abbasi, F., (2014). Relationship between Remittance, Export, Foreign Direct Investment and Growth in South Asia: A Panel Cointegration and Causality Analysis. MPRA Paper No- 65355, University Library of Munich, Germany. https://mpra.ub.uni-muenchen.de/65355/1/MPRA_paper_65355.pdf
33. Siddiqui, T. and Abrar, C. R. (2003). Migrant Worker Remittances and Micro-Finance in Bangladesh. *Working Paper* No. 38, Social Finance Programme, International Labour Office (ILO).
34. Siddique, T., (2004). Efficiency of Migrant Workers' Remittances: The Bangladesh Case. Manila, The Philippines: Asian Development Bank .
35. Siddique, A., Selvanathan, E. A., and Selvanathan, S. (2010). Remittances and Economic Growth: Empirical Evidence from Bangladesh, India and Sri Lanka, Discussion Study, University of Western Australia, No. 10.27.
36. Stah, Charles W. and Ahsanul Habib (1989). The Impact of Overseas Workers' Remittances on Indigenous Industries: Evidence from Bangladesh. *The Developing Economies*, Vol. 27, pp. 269-285.

37. USAID and DFID Inclusive Growth Diagnostic Team – Bangladesh, (2014). BANGLADESH Inclusive Growth Diagnostic.

38. World Bank. (2012). *Bangladesh: Towards Accelerated, Inclusive and Sustainable Growth – Opportunities and Challenges*. (in Two Volumes) Volume II: Main Report. Poverty Reduction and Economic Management Sector Unit, South Asia Region, World Bank.

УДК 33

Взаимосвязь между денежными переводами и экономическим ростом в Бангладеше: авторегрессионная модель распределенных лагов (ARDL)

¹Шапан Хандраа Маджумдер

²Джанг Донгхай

¹ Comilla University, Bangladesh

PhD, доцент

E-mail: scmajumder_71@yahoo.com

² School of Economics, Shandong University, P.R. China

PhD, профессор

E-mail: zdh@sdu.edu.cn

Аннотация. Данное исследование рассматривает долгосрочное влияние денежных переводов на экономический рост в Бангладеше. Бангладеш, являясь одной из лучших стран – реципиентов переводов в мире, обратил внимание на remittance-output в последние годы. В 2014 году денежные переводы способствовали увеличению ВВП на 8,2 %. В 2006 г. этот показатель находился на уровне 6,7 %. Основная цель настоящей работы – исследовать влияние денежных переводов на экономический рост (ВВП). Авторы использовали авторегрессионную модель распределенных лагов (ARDL) или динамическую линейную регрессию, широко применяемую для изучения взаимосвязи между денежными переводами и экономическим ростом в стране. ARDL модель показывает, что существует статистически значимая долгосрочная перспектива положительной связи между денежными переводами и экономическим ростом валового внутреннего продукта в Бангладеше.

Ключевые слова: денежные переводы, валовый внутренний продукт (ВВП), авторегрессия распределенным лагом (ARDL), коинтеграция, модель коррекции ошибок (ECM).

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 104, Is. 3, pp. 168-177, 2016

DOI: 10.13187/er.2016.104.168
www.erjournal.ru

UDC 33

The Comparative Analysis of Investment Activities on the Oil Refining Enterprises in the Russian Federation (on the example of JSC "LUKOIL" and JSC "GAZPROM-Refinery")

¹ O.V. Trofimov

² D.S. Novikova

³ A.D. Novikova

¹⁻³ Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russian Federation

¹ Doctor of Economic Sciences, Professor

² Assistant

³ Laboratory researcher

Abstract

This article is devoted to research of specific features of investment management on the oil refining enterprise in the Russian Federation. The aim of this article is to give a comparative analysis of investment activities on the oil refineries. To achieve this goal the article will be addressed the following tasks:

1. Studying the academic definition of the term investment, then, on the basis of the studied material and the comparative analysis, offer the own definition of this term;
2. Giving the examples of investment activities of several oil refineries, namely, PJSC "LUKOIL" and PJSC "GAZPROM oil refinery";
3. Analyzing the statistics of refineries, and justifying the investment on the oil refinery.

Keywords: investments, investment activity, investment activity management on the oil refining enterprise.

Введение

Экономика каждой страны базируется на различных отраслях (промышленность, сельское хозяйство, лесное хозяйство и т.д.). Ведущей отраслью в РФ является промышленность [1]. Непосредственно топливная промышленность включает в себя нефтяную, газовую и угольную отрасли.

В отличие от большинства топливно-энергетических комплексов, российский ТЭК не только снабжает страну топливом и электроэнергией, но и является основой национальной экономики, обеспечивая большую часть валютных поступлений [2]. Так, по данным 2013 года, ТЭК России обеспечил 30 % от национального ВВП, 50 % налоговых доходов бюджета, занял первое место по экспорту — 70 % от его общего объема.

В состав нефтяной промышленности России входят нефтедобывающие предприятия, нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ), предприятия по транспортировке и сбыту нефти и нефтепродуктов. В настоящее время в отрасли действуют 28 крупных нефтеперерабатывающих заводов (мощностью от одного миллиона тонн в год), мини-НПЗ и заводы по

производству масел [3]. Протяженность магистральных нефтепроводов составляет около 50 тысяч километров, нефтепродуктопроводов — 19,3 тысячи километров. Структуру нефтяной отрасли составляют десять крупных вертикально интегрированных нефтяных компаний. Наиболее мощные — «Роснефть», «ЛУКОЙЛ», «Сургутнефтегаз», «ТНК-ВР» и «Газпром нефть». Транспортировку нефти и нефтепродуктов осуществляют предприятия акционерных компаний «Транснефть» и «Транснефтепродукт» [4]. Газовая промышленность России включает в себя предприятия, ведущие геологоразведочные работы, бурение разведочных и эксплуатационных скважин, добычу, транспортировку и хранение газа. Единая система газоснабжения имеет более 162 тысяч километров магистральных газопроводов и отводов, 215 линейных компрессорных станций с общей мощностью газоперекачивающих агрегатов в 42,1 тысячи МВ тонн, шесть комплексов по переработке газа и газового конденсата, 25 объектов подземного хранения газа. Природный и попутный нефтяной газ является в настоящее время основным источником обеспечения внутренних потребностей страны в первичных энергоресурсах [5, 6]. Нефтяная промышленность — отрасль экономики, занимающаяся добычей, переработкой, транспортировкой, складированием и продажей природного полезного ископаемого — нефти и сопутствующих нефтепродуктов. На 2014 год отраслевая структура добычи нефти выглядела следующим образом.

Рис. 1. Отраслевая структура добычи нефти по группам компаний в 2014 году
Источник: данные Министерства энергетики Российской Федерации]

Активное использование всевозможных средств в целях поиска и разведывания местонахождения нефти, создание нового, качественного оборудования для добычи нефти, и, следовательно, увеличение качества и глубины переработки нефти, — является одной из основных задач удержания лидирующих позиций нефтяной промышленности в РФ [7]. В этой связи на нефтеперерабатывающем предприятии возникает проблема нехватки внутренних ресурсов для достижения поставленных целей и реализации вытекающих задач. Одним из возможных путей решения является создание благоприятного инвестиционного климата и, как результат, привлечение внешних инвестиций.

Основное содержание

В начале данного исследования необходимо изучить академическое определение термина инвестиции и на основе изученного материала и проведенного сравнительного анализа (таблица 1), предложить своё определение данного термина [8, 9]. Как в отечественной, так и в зарубежной литературе, существует многообразие трактовок понятия инвестиций, которые будут рассмотрены ниже в таблице 1.

Сравнительный анализ определения инвестиции

Автор	Определение	Схожие черты с другими определениями	Различия, авторские допущения
1. И.А. Бланк	Инвестиции – вложение капитала в денежной, материальной и нематериальной формах в объекты предпринимательской деятельности с целью получения текущего дохода или обеспечения возрастания его стоимости в будущем периоде.	→ вложение капитала → денежная, материальная и нематериальная форма вложения → цель-получение дохода	-
2. Я.С. Меркулов	Термин «инвестиции» происходит от латинского слова <i>investire</i> – облачать. С финансовой и экономической точек зрения инвестирование может быть определено как долгосрочное вложение экономических ресурсов с целью создания и получения чистой прибыли в будущем, превышающей общую начальную величину инвестиций.	→ Цель-создание и получение чистой прибыли → Вложение экономических ресурсов	-
3. В.Г. Золотогоров	Инвестиции – это вложение средств (внутренних и внешних) в различные программы и отдельные мероприятия (проекты) с целью организации новых, поддержания и развития действующих производств (производственных мощностей), технической подготовки производства, получения прибыли и других конечных результатов, например, природоохранных, социальных и др.	→ Вложение внутренних и внешних средств → Цель-получение прибыли	→ Вложение средств в программы с целью организации новых → Получение природоохранных, социальных результатов
4. В. Сергеев и И.И. Веретенников	Под инвестициями в широком смысле необходимо понимать денежные средства, имущественные и интеллектуальные ценности государства, физических лиц, направляемые на создание новых предприятий, расширение, реконструкцию и техническое перевооружение	→ Денежные средства → Цель-получение прибыли	→ Имущественные и интеллектуальные ценности государства, физических лиц → Вложение на

	действующих, приобретение недвижимости, акций, облигаций и других ценных бумаг и активов с целью получения прибыли (и) или иного положительного эффекта.		создание акций, облигаций, других ценных бумаг
5. М.Ю. Маковецкий	Инвестиции – это вложения сбережений всех участников экономической системы как в объекты предпринимательской и других видов деятельности, так и в ценные бумаги и иные активы с целью извлечения дохода (прибыли) или достижения положительного (социального) эффекта.	→ Цель-получение прибыли	→ Вложение сбережений всех участников экономической системы
6. Г.П. Подшиваленко	Инвестиции – это совокупность затрат, реализуемых в форме целенаправленного вложения капитала на определенный срок в различные отрасли и сферы экономики, в объекты предпринимательской и других видов деятельности для получения прибыли (дохода) и достижения как индивидуальных целей инвесторов, так и положительного социального эффекта.	→ Целенаправленное вложение капитала → Цель-получение прибыли	-
7. П. Самуэльсон	Инвестиции (или капиталовложения) – это прирост запаса капитала страны, то есть зданий и сооружений, машин и оборудования, а также товарно-материальных запасов в течение года. Осуществление инвестиций связано с отказом от текущего потребления ради увеличения будущего потребления.	→ Положительный социальный эффект	→ Природный запас капитала страны
8. Л.ДЖ. Гитман и М.Д. Джонк	Инвестиции – это любой инструмент, в который можно поместить деньги, рассчитывая сохранить или приумножить их стоимость, и/или обеспечить положительную величину дохода.	→ Цель-получение прибыли	→ Инструмент, в который можно вложить деньги

Источник: составлено автором

Таким образом, учитывая многообразие авторских определений и обобщая мнения различных авторов, в целях данного исследования наиболее ёмкой и целесообразной трактовкой понятия инвестиции, по мнению авторов статьи, может служить следующая: инвестиции – это совокупность затрат, реализованных в форме целенаправленного вложения капитала на определённый срок в различные отрасли и сферы экономики, в объекты предпринимательской и других видов деятельности для получения прибыли и достижения как индивидуальных целей, так и положительного социального эффекта. В свою очередь, в узком определении инвестиционная деятельность представляет собой процесс преобразования инвестиционных ресурсов во вложения [10]. В широком определении инвестиционная деятельность – это деятельность, связанная с вложением средств в объекты инвестирования в целях приращения капитальной стоимости [11]. С данной трактовкой термина инвестиционная деятельность допускается:

- преобразование инвестиционных ресурсов в инвестиционные вложения, т.е. процесс трансформации ресурсов в конкретные объекты инвестиционной деятельности;
- превращение вложенных средств в прирост капитальной стоимости, окупаемость осуществлённых затрат и получение дохода в результате использования инвестиций.

Инвестиционная деятельность, с одной стороны, связана с вложением средств, с другой – целесообразность этих вложений определяется отдачей. Без получения дохода отсутствует мотивация инвестиционной деятельности [12].

Управление инвестиционной деятельностью нефтяной компании включает нескольких фаз:

1. сбор исходной информации от дочерних предприятий в виде инвестиционных заявок, содержащих формализованное технико-экономическое обоснование инвестиционных проектов, определение сценарных условий;
2. оценка показателей эффективности инвестиционных проектов;
3. оптимизация инвестиционного портфеля;
4. мониторинг и сопровождение инвестиционных проектов.

Перед началом любой инвестиционной деятельности следует проанализировать инвестиционную привлекательность нефтяной компании, отталкиваясь от динамики показателей фирмы и стадии её жизненного цикла [13].

Таблица 2

**Оценка инвестиционной привлекательности
компании от её стадии жизненного цикла**

Стадия жизненного цикла компании	Динамика показателей	Инвестиционная привлекательность компании
«рождение», «детство», «юность», «ранняя зрелость»	Прирост показателей. На стадиях «юность» и «ранняя зрелость» - наиболее высокие темпы прироста	Компания находится в процессе роста (развития), инвестиционная привлекательность самая высокая
«окончательная зрелость»	Стабилизация большинства показателей	Инвестирование целесообразно, если продукция компании имеет достаточно высокие маркетинговые перспективы, а объем инвестиций в техническое перевооружение относительно небольшой и вложенные средства могут окупиться в кратчайшие сроки
«старение»	Снижение показателей	Инвестирование, как правило, нецелесообразно. Исключение: обширная диверсификация выпускаемой продукции (товаров, услуг), т.е. определенное перепрофилирование предприятия. В этом случае возможна определенная экономия инвестиционных ресурсов в сравнении с новым строительством

Источник: составлено автором.

Для наглядности рассмотрим инвестиционную деятельность нефтеперерабатывающих предприятий – ПАО «Лукойл» и ПАО «Газпром нефть».

Таблица 3

Инвестиционная деятельность на НПП ПАО «Лукойл» и ПАО «Газпром»

Нефтеперерабатывающее предприятие	Основные характерные черты	Общие черты ведения инвестиционной деятельности	Различия в вопросе ведения инвестиционной деятельности
ПАО «Лукойл»	<p>→ одна из крупнейших вертикально интегрированных нефтегазовых компаний в мире, на долю которой на 2014год приходится более 2 % мировой добычи нефти и около 1 % доказанных запасов углеводородов</p> <p>→ Более 110 тысяч человек объединяют свои усилия и талант, чтобы обеспечить компании передовые позиции на рынке.</p> <p>→ Компания полностью контролирует всю производственную цепочку – от добычи нефти и газа до сбыта нефтепродуктов</p> <p>→ Более 2 % общемировой добычи нефти</p> <p>→ Около 1 % мировых доказанных запасов нефти</p> <p>→ 16,4 % общероссийской добычи нефти и 15,7 % общероссийской переработки нефти</p> <p>→ Крупнейшая российская негосударственная компания (Forbes) с выручкой по итогам 2014 года более 144 млрд. долл. и чистой прибылью около 5 млрд долл.</p>	<p>→ Разведка и добыча</p> <p>→ Переработка, торговля и сбыт</p> <p>→ нефтехимия</p> <p>→ Энергетика</p>	<p>→ Прочие (укрепление сырьевой базы, модернизация перерабатывающих мощностей)</p>
ПАО «Газпром»	<p>→ Вертикально-интегрированная нефтяная компания, основные виды деятельности которой - разведка и разработка месторождений нефти и газа, нефтепереработка, а также производство и сбыт нефтепродуктов</p> <p>→ Постоянное движение вперед – важная отличительная черта Газпрома.</p> <p>→ Газпром продолжает масштабную работу по</p>	<p>→ Разведка и добыча</p> <p>→ Нефтехимия</p> <p>→ Газификация и газораспределение, развитие рынков газомоторного топлива</p> <p>→ Маркетинг</p>	<p>→ Транспорт и хранение</p> <p>→ Электроэнергетика</p> <p>→ Переработка углеводородного сырья, газохимия</p> <p>→ формирование новых</p>

	<p>газификации регионов России. В 2014 году доступ к преимуществам, которые дает использование природного газа, получили еще 236 городов и сёл – около 30 тысяч семей</p> <p>→ богатая сырьевая и производственная база Компании</p> <p>→ портфель долгосрочных контрактов на поставку газа европейским и азиатским потребителям</p> <p>→ выгодное географическое положение между странами Европы и Азии</p> <p>→ уникальная Единая система газоснабжения России, обеспечивающая возможность быстрого реагирования на изменения в любом из ее звеньев, включающая в себя действующие газовые, газоконденсатные и нефтегазоконденсатные месторождения, магистральные газопроводы с установленными на них компрессорными станциями, подземные хранилища газа, газоперерабатывающие заводы и распределительные станции, позволяющие осуществлять гарантированные поставки газа потребителям в Российской Федерации и за рубежом.</p>		<p>источников роста бизнеса</p> <p>→ Увеличить глубину переработки (95%)</p> <p>→ Активное развитие на международном рынке, добывать за пределами России не менее 10% от общего объёма добычи нефти</p>
--	---	--	---

Источник: составлено автором.

Таким образом, проанализировав программу нефтеперерабатывающих предприятий, мы приходим к следующим заключениям:

→ Целью нефтеперерабатывающего предприятия является расширение добычи нефти как в России, так и за рубежом

→ Нефтеперерабатывающее предприятие заинтересовано в привлечении инвестиций, гарантируя достижение максимального возврата на инвестиции

→ Инвестиционная деятельность является наиболее целесообразной в момент окончательной зрелости компании, когда технологии не требуют ремонта и замены, а продукция широко распространена и имеет постоянные точки сбыта и реализации [14].

К основным результатам проведенного исследования можно отнести:

- дано авторское определение, которое наиболее полно отражает специфику термина инвестиции.

- был проведен сравнительный анализ ведения инвестиционной деятельности на нефтеперерабатывающих предприятиях ПАО «ЛУКОЙЛ» и ПАО «ГАЗПРОМНЕФТЬ», вследствие чего, авторами были сделаны следующие выводы [15]:

- любое НПП имеет своей целью расширение территории добычи нефти;

- любое НПП имеет острую необходимость привлечения инвестиций;

- на этапе жизненного цикла НПП «зрелость» привлечение инвестиций является наиболее целесообразным

Кроме того, вследствие произведённого исследования было установлено, что из-за падения цены на нефть инвестиционный бюджет претерпел существенные изменения, как видно из таблицы 4.

Таблица 4

**Таблица капитальных затрат ПАО «Лукойл» за 2015 г.
(млн. долларов США)**

Капитальные затраты, включая неденежные операции и авансовые платежи	3-й квартал 2015		9 месяцев 2015	
	2014	2013	2014	2013
	(млн. долларов США)			
Разведка и добыча				
Россия	2 094	1 947	6 534	5 866
за рубежом	906	841	2 636	2377
Итого разведка и добыча	3000	2788	9 170	8243
Переработка, торговля и сбыт				
Россия	551	487	1 459	1281
за рубежом	193	279	624	604
Итого переработка, торговля и сбыт	744	766	2 083	1885
Нефтехимия				
Россия	88	18	168	52
за рубежом	1	1	1	2
Итого нефтехимия	89	19	169	54
Энергетика	62	86	140	201
Прочие	63	96	118	345
Итого капитальных затрат	3958	3755	11680	10728

Источник: составлено автором.

Заключение

Целесообразность вложения средств в НПП РФ заключается в том, что такие предприятия как ПАО «Лукойл» и ПАО «Газпромнефть» имеют долгосрочный план развития, учитывающий возможные изменения во внутренних и внешних условиях, проявившие себя как предприятия, умеющие быстро реагировать и адаптироваться к происходящим изменениям. Вложение средств в такие компании будет способствовать дальнейшему развитию нефтяной отрасли в РФ, как одной из ведущих отраслей экономики России, что обеспечит сохранение конкурентных позиций страны на международной арене, а, соответственно, благотворно повлияет на получение прибыли от произведенных инвесторами вложений.

Примечания:

1. Шарп У.Ф., Бэйли Д.В. Инвестиции: [учеб.] для студентов вузов, обучающихся по экон. специальностям. М.: ИНФРА-М, 2013. XII, 1028 с.
2. "Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений". Федеральный закон от 25.02.1999 N 39-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // М.: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

3. Хазанович Э.С., Ажлуни А.М., Моисеев А.В. Инвестиционная стратегия: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальностям "Финансы и кредит", "Мировая экономика". М.: KnoРус, 2010. 304 с.
4. Инвестиционная стратегия предприятия: учебное пособие / Н. И. Лахметкина. М: КНОРУС, 2006-184с. ISBN5-85971-295-2
5. Монография «Инвестиции и инновации в экономике России и регионов» Ю.А. Корчагин, В.Н. Логунов, Воронеж: ЦИРЭ, 2008 с. 230
6. Инвестиционные стратегии: учебное пособие для студентов специальности 08010565 «Финансы и кредит» и направления 080100.62 «Экономика» / Н. В. Ширяева, А.В. Пострелова. Ульяновск: УЛГТУ, 2012. 138 с.
7. Экономический анализ реальных инвестиций: учебник / И.В. Липсиц, В.В. Кокосов. 3-е издание, перераб. и доп. М.: Магистр, 2010. 384 с.
8. Бланк И.А. Энциклопедия финансового менеджера [В 4 томах]. Том 3. Управление инвестициями предприятия. 2-е изд., стер. М.: Издательство «Омега-Л, 2008. 480 с.
9. Брусов П. Н., Филатова Т. В., Лахметкина Н. Инвестиционный менеджмент: Учебник. М. ИНФРА-М, 2014. 333 с.
10. Некрасов А.С. Анализ и прогнозы развития отраслей топливно-энергетического комплекса. ИИП РАН, Москва, 2013. 250 с.
11. Аллард Ван Рил. Повышение эффективности принятия решений за счет концентрации внимания на этапе отбора имеющихся предложений с использованием высокотехнологичных сервисов // Журнал "Управленческие решения", номер 5, 2011. 762-783 с.
12. Колмыкова Т.С. Инвестиционный анализ: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности "Бухгалт. учет, анализ и аудит". М.: ИНФРА-М, 2011. 204 с.
13. Аллард Ван Рил, Трофимов О.В., Наконечный Н.И., Новикова Д.С. Особенности отбора инвестиционных проектов с использованием матрицы оценки рисков // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия: Экономические науки. 2016 г. № 1. С. 180-191.
14. Татаринцева С.Г., Епрынцева Е.С. Анализ показателей оценки эффективности формирования и реализации инвестиционной политики компаний нефтегазового сектора экономики РФ // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 3 (63). С. 104–108.
15. Данилина М.В., Ерошкин С.Ю. Анализ топливно-энергетического комплекса России.

References:

1. Sharp U.F., Beili D.V. Investitsii: [ucheb.] dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po ekon. spetsial'nostyam. М.: INFRA-M, 2013. XII, 1028 s.
2. "Ob investitsionnoi deyatelnosti v Rossiiskoi Federatsii, osushchestvlyae moi v forme kapital'nykh vlozhenii". Federal'nyi zakon ot 25.02.1999 N 39-FZ (red. ot 28.12.2013) // М.: Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
3. Khazanovich E.S., Azhluni A.M., Moiseev A.V. Investitsionnaya strategiya: ucheb. posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nostyam "Finansy i kredit", "Mirovaya ekonomika". М.: KnoРус, 2010. 304 s.
4. Investitsionnaya strategiya predpriyatiya: uchebnoe posobie / N. I. Lakhmetkina. М: KNORUS, 2006-184s. ISBN5-85971-295-2
5. Monografiya «Investitsii i innovatsii v ekonomike Rossii i regionov» Yu.A. Korchagin, V.N. Logunov, Voronezh: TsIRE, 2008 s. 230
6. Investitsionnye strategii: uchebnoe posobie dlya studentov spetsial'nosti 08010565 «Finansy i kredit» i napravleniya 080100.62 «Ekonomika» / N. V. Shiryayeva, A. V. Postrelova. Ul'yanovsk: UIGTU, 2012. 138 s.
7. Ekonomicheskii analiz real'nykh investitsii: uchebник / I. V. Lipsits, V. V. Kokosov. 3-e izdanie, pererab. i dop. М.: Magistr, 2010. 384 s.
8. Blank I.A. Entsiklopediya finansovogo menedzhera [V 4 tomakh]. Tom 3. Upravlenie investitsiyami predpriyatiya. 2-e izd., ster. М.: Izdatel'stvo «Omega-L, 2008. 480 s.
9. Brusov P. N., Filatova T. V., Lakhmetkina N. Investitsionnyi menedzhment: Uchebник. М. INFRA-M, 2014. 333 s.

10. Nekrasov A.C. Analiz i prognozy razvitiya otraslei toplivno-energeticheskogo kompleksa. INP RAN, Moskva, 2013. 250 s.
11. Allard Van Ril. Povyshenie effektivnosti prinyatiya reshenii za schet kontsentratsii vnimaniya na etape otbora imeyushchikhsya predlozhenii s ispol'zovaniem vysokotekhnologichnykh servisov // Zhurnal "Upravlencheskie resheniya", nomer 5, 2011. 762-783 s.
12. Kolmykova T.S. Investitsionnyi analiz: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti "Bukhgalt. uchët, analiz i audit". M.: INFRA-M, 2011. 204 s.
13. Allard Van Ril, Trofimov O.V., Nakonechnyi N.I., Novikova D.S. Osobennosti otbora investitsionnykh proektov s ispol'zovaniem matritsy otsenki riskov // Vestnik NNGU im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Ekonomicheskie nauki. 2016 g. № 1. S. 180-191.
14. Tatarintseva S.G., Epryntseva E.S. Analiz pokazatelei otsenki effektivnosti formirovaniya i realizatsii investitsionnoi politiki kompanii neftegazovogo sektora ekonomiki RF // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. 2014. № 3 (63). S. 104–108.
15. Danilina M.V., Eroshkin S.Yu. Analiz toplivno-energeticheskogo kompleksa Rossii.

УДК 33

**Сравнительный анализ ведения инвестиционной деятельности на
нефтеперерабатывающих предприятиях в РФ
(на примере ОАО «ЛУКОЙЛ» и ОАО «ГАЗПРОМ-НПЗ»)**

¹ О.В. Трофимов

² Д.С. Новикова

³ А.Д. Новикова

¹⁻³ ИЭП ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация

¹ Доктор экономических наук, профессор

² Ассистент

³ Лаборант-исследователь

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию вопроса специфики управления инвестиционной деятельностью на нефтеперерабатывающем предприятии в РФ. Целью данной статьи является дать сравнительный анализ ведения инвестиционной деятельности на нефтеперерабатывающих предприятиях. Для достижения поставленной цели в статье будут решаться следующие задачи:

1. изучить академическое определение термина инвестиции, затем на основе изученного материала и проведенного сравнительного анализа, предложить своё определение данного термина;

2. привести примеры инвестиционной деятельности нескольких нефтеперерабатывающих предприятий, а именно ПАО «ЛУКОЙЛ» и ПАО «ГАЗПРОМ-НПЗ»;

3. проанализировать статистические данные работы нефтеперерабатывающих предприятий и обосновать целесообразность ведения инвестиционной деятельности на нефтеперерабатывающем предприятии.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная деятельность, управление инвестиционной деятельностью на нефтеперерабатывающем предприятии.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 104, Is. 3, pp. 178-183, 2016

DOI: 10.13187/er.2016.104.178
www.erjournal.ru

UDC 338

Internal Resources to Improve the Quality of Higher Education

Tatyana V. Zak

Astrakhan state university, Russian Federation
PhD, Associate Professor
E-mail: tvzak18@inbox.ru

Abstract

The article deals with the situation in the Russian higher education system. The factors affecting the improvement of the quality of higher education are analyzed. The emphasis is on mass universities. The main obstacles to improving the quality of education in these institutions are the Institute of collective reputation and the high costs of the struggle for improving the quality of education. The necessity of focusing on the actuation of the internal resources to improve the quality associated with the change in the educational process: giving students the right to choose the timing exams and training period at university. The implementation of the proposed measures will reduce the opportunity costs associated with quality improvement activities. The proposed change in the organization of the learning process opens the possibility to estimate the activity of universities in terms of medium-term implementation of educational programs. The use of this indicator will not only combine the two different targets of universities, but also to minimize the costs of opportunistic behavior of teachers and management.

Keywords: internal resources, external resources, collective reputation, opportunistic behavior, credence goods, the average duration of study, technology of the educational process

Введение

Состояние системы высшего образования, особенно положение, сложившееся в большинстве университетов массового сектора, вызывает беспокойство и тревогу не только у участников образовательного процесса, но и у широкой общественности, родителей, органов государственной власти, самих студентов. Многочисленные попытки структур, регулирующих и контролирующую деятельность образовательных организаций в сфере высшего образования, направленные на повышение качества высшего образования в России, не приносят ожидаемого результата. В связи с этим ученые разных стран обосновывают необходимость дальнейшего реформирования системы высшего образования. При этом не всегда учитываются сложившиеся экономические и политические условия, выступающие в качестве ограничителей предлагаемых программ. Нам представляется, что на современном этапе главную роль в повышении эффективности образовательного процесса могут и должны сыграть внутренние резервы системы высшего образования.

Материалы и методы

Материалами для написания статьи послужили статистические данные, представленные в изданиях Росстата, Научно- исследовательского университета – Высшей школы экономики, публикации российских и зарубежных авторов.

В работе использованы методы статистического анализа, сравнительного анализа, а также ситуационного анализа, который предполагает оценку эффективности проектов реформирования высшей школы в контексте сложившейся социально- экономической ситуации.

Обсуждение

Проблема качества высшего образования исследуется многими учеными: А. Алпатовым [1], Е. Балацким [2], М. Бляхером [3], Т. Клячко [4], Э. Де Корте [5], Э. Ливни, Я. Кузьминовым, В. Мау, Л. Полищуком [6], И. Рождественской, В. Тамбовцевым [7], Н. Форратом [8] и др.

Результаты

В последние десятилетия в системе высшего образования России произошли существенные изменения. Прежде всего, сделаны определенные шаги по пути приватизации высшей школы, что выразилось в появлении негосударственных (частных) вузов, а также студентов, обучающихся с полным возмещением затрат. Кроме того, существенно увеличилось количество университетов и численность студентов.

Действительно, за период с 1990 по 2015 гг. количество образовательных организаций высшего образования увеличилось в нашей стране в 1,8 раза: с 514 до 950, при этом с 2011 года наметилась тенденция некоторого уменьшения количества вузов. За это время количество студентов, приходившихся на 10 тыс. человек населения, увеличилось в 1,9 раза: со 190 до 356, причем с 2011 года так же наблюдается тенденция к уменьшению данного показателя (см. табл.). В результате уровень образования населения в возрасте 15 лет и старше увеличился со 162 человек в расчете на 1000 человек населения данного возраста в 2002 году до 234 человек в 2010 году [9, с. 11].

Существенное изменение претерпели и источники финансирования высшей школы: в 2013 году 61,1 % всех студентов, занимающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, обучались за счет внебюджетных средств [10, с. 45]. В течение рассматриваемого периода времени произошло увеличение доли студентов, обучающихся на заочных и очно-заочных отделениях.

Таблица 1

Развитие системы высшего образования в России в 1990-2015 гг.

Годы	Число образовательных организаций	В них студентов - всего, тыс. чел.	Доля студентов, обучающихся на заочных и вечерних отделениях, %	На 10 тыс. человек населения приходилось студентов
1990/91	514	2824,5	41,7	190
2005/06	1068	7064,7	48,2	493
2010/11	1115	7049,8	54,4	493
2013/14	969	5646,7	52,6	393
2014/15	950	5209	50,6	356

¹⁾Рассчитано по [11, с. 207].

Происшедшие изменения не могли не сказаться на качестве высшего образования. Вопрос о качестве, его изменении в связи с увеличением доступности является предметом обсуждения не только ученых, но и представителей государственных структур, широкой общественности, непосредственных участников образовательного процесса. Большинство участников дискуссий склоняются к выводу о том, что, хотя однозначно измерить и оценить

качество, его динамику очень сложно, российская высшая школа переживает не лучшие времена [12].

Для подтверждения данного положения используются косвенные показатели: уменьшение требований университетов к результатам освоения студентами учебной программы; увеличение количества студентов, совмещающих учебу с работой; широкое распространение заочной формы обучения.

Многочисленные усилия, направленные на повышение качества высшего образования, предпринимаемые на разных уровнях, не только не приводят к желаемым результатам, но часто оказывают обратное воздействие. Причины неудач в реформировании системы высшего образования трактуются по-разному. Некоторые исследователи источник зла видят в системе платного обучения, использование которого привело к существенному увеличению количества студентов и, соответственно, не могло не сказаться на качестве высшего образования. Другие связывают данное обстоятельство с особенностью конкуренции на рынке доверительных благ, к которым относятся образовательные услуги [13].

Еще одна группа исследователей низкое качество образования связывает с чрезмерным регулированием (гиперрегулированием) системы высшего образования государством, Закручивание гаек, происходящее в системе высшего образования, привело к разбуханию административно- управленческого персонала вузов, сокращению численности профессорско-преподавательского персонала, снижению реальной заработной платы преподавателей, как ответной, защитной реакции вузовского сообщества на усиление государственного регулирования [14].

В последние годы все большее распространение получает концепция, в соответствии с которой обеспечить повышение качества высшего образования невозможно без проведения согласованных реформ в высшей школе, науке и промышленном секторе экономики [15].

Действительно, многие проблемы, с которыми сегодня сталкивается система высшего образования, могут быть решены только вкуче с реформированием всех секторов: науки, реального сектора экономики, общего образования, системы государственного управления. Необходимым условием повышения качества высшего образования является модернизация экономики. Однако решение этой проблемы сталкивается с целым рядом не только экономических, но и политических ограничителей [16]. Все это обуславливает необходимость концентрации усилий на создании условий для реализации внутренних резервов системы высшего образования.

Создание условий для реализации этих факторов поможет реальному реформированию, прежде всего, в секторе массового высшего образования, поставляющем значительную долю образовательного продукта низкого качества.

Более низкое качество образования в массовых вузах обусловлено не только тем, что, в отличие от элитных вузов, они не могут осуществлять процедуру отбора будущих студентов на входе, но и тем, что они не могут позволить производить отсев уже поступивших студентов.

Отсутствие мотивации к повышению качества образования у массовых вузов в значительной степени обусловлено сложившейся коллективной репутацией этих университетов [17], которая по существу является для них институциональной ловушкой. Именно репутация «одинаковости» создает для университетов этого сектора барьер, ограничивающий их стремление к повышению эффективности образовательного процесса.

Для того, чтобы «заработать» собственную, отличную от коллективной, репутацию, вузу необходимо заплатить высокую цену, которая определяется издержками упущенных возможностей включения в борьбу за повышение эффективности образовательного процесса. Невозможно повысить качество образования, не отказавшись от системы заниженных требований к результатам освоения студентами учебной программы.

Повышение же требований к результатам усвоения образовательных программ в условиях существующей технологии организации учебного процесса не может не привести к увеличению количества отчисляемых студентов.

Для вуза, вступившего в борьбу за повышение качества образования, величина потерь складывается из:

- неполученной платы за обучение отчисленных за неуспеваемость студентов, обучающихся с полным возмещением затрат,

- бюджетных средств, неполученных за отчисленных студентов-бюджетников,
- неполученных средств от потенциальных студентов, поступающих ради подачи сигнала на рынке труда.

Ситуация осложняется тем, что борьба за качество ведет к снижению доходов уже сегодня и лишь с некоторой вероятностью может привести к увеличению доходов в будущем.

Нам представляется, что одним из основных факторов, способствующих снижению стоимости борьбы за повышение качества образования, является изменение технологии организации учебного процесса, в частности, отказ от:

- системы обучения студентов на основе формирования постоянно действующих учебных групп для изучения всех дисциплин, предусмотренных учебным планом;
- установления единых сроков сдачи экзаменов для группы (курса), независимо от индивидуальных способностей студентов и времени, необходимого для освоения изучаемого материала разными студентами;
- коллективного перевода всех студентов в конце каждого учебного года на следующий курс;
- отчисления из университета в случае не ликвидации задолженностей по дисциплинам учебного плана в течение установленного периода времени.

Однако признание за студентами права самостоятельно определять сроки освоения учебной программы приведет к необходимости изменения условий финансирования образовательных услуг. В частности, потребуются установить плату за сверхнормативный срок обучения для всех студентов, в том числе обучающихся за счет средств государственного бюджета. Отметим, что данное изменение позволит сократить необоснованный разрыв в издержках обучения двух категорий студентов.

Технология организации учебного процесса, способствующая снижению оппортунистического поведения студентов и преподавателей, связана с переходом к обучению по индивидуальным планам. Для студентов, обучающихся с полным возмещением затрат, общая стоимость обучения в вузе должна зависеть от фактического периода обучения. Что касается бюджетных студентов, они должны получить право на финансирование за счет средств государственного бюджета только в течение законодательно установленного срока обучения.

Введение данной инновации создаст стимулы к более продуктивной деятельности для всех субъектов образовательного процесса:

- для студентов – уложиться в установленные сроки освоения программы, что в сочетании с новой системой организации учебного процесса заставит их лучше учиться и будет способствовать повышению качества образования
- для университетов – к более объективной оценке знаний студентов, поскольку, с одной стороны, завышение оценок приведет к искусственному занижению периода обучения и, соответственно, к сокращению доходов вуза; а, с другой стороны, получение неудовлетворительных оценок не повлечет за собой отчисление студентов.

Заключение

Двойственность целей некоммерческой организации, к которой относится университет, обуславливает ее направленность, во-первых, на выполнение провозглашенной миссии и, во-вторых, на получение доходов от учебной, научной и предпринимательской деятельности. В связи с этим представляется целесообразным оценивать непосредственный результат деятельности вуза с помощью показателя, достижение которого способствует одновременной «работе» на обе цели.

В условиях использования новой технологии организации учебного процесса таким показателем может стать средний фактический срок обучения в университете по всем образовательным программам.

Безусловно, предоставление вузам самостоятельности в организации учебного процесса, и, в частности, возможности не отчислять студентов, имеющих академические задолженности, а также признание за студентами права выбирать срок получения образования при условии оплаты ими сверхнормативного периода, независимо от формы

обучения, не приведет к устранению оппортунистического поведения. Однако данная инновация создаст условия для его минимизации.

К тому же использование показателя среднего срока обучения в университете для оценки качества образовательного процесса будет способствовать снижению вероятности оппортунистического поведения университетов, направленного на искусственное завышение сроков обучения с целью получения дополнительного дохода.

Примечания:

1. Алпатов А.О. Согласованности реформ в высшей школе, науке и промышленном секторе экономики / А. Алпатов // Экономическая политика. 2014. № 4. С. 153-176.
2. Балацкий Е. Управленческие парадоксы реформ в университетском секторе / Е. Алпатов // Журнал Новой Экономической Ассоциации. 2015. №2. С.6124-149.
3. Бляхер М. Гиперрегулирование в системе высшего образования / М. Бляхер // Отечественные записки. 2013. № 4.
4. Клячко Т.Л. Тенденции развития высшего профессионального образования в Российской Федерации. / Т.Л. Клячко, В.А. Мау // Вопросы образования. 2007. №3. С. 47-63.
5. Де Кортэ Э. Анализ деятельности университетов Западной Европы: от оценки качества до аккредитации / Эрик де Кортэ // Вопросы образования. 2014. №4. С. 36-55.
6. Полищук Л. Качество высшего образования в России: роль конкуренции и рынка труда / Л. Полищук, Э. Ливни // Вопросы образования. 2005. № 1. С. 70-85.
7. Тамбовцев В. Реформа высшего образования в России: международный опыт и экономическая теория / В. Тамбовцев, И. Рождественская // Вопросы экономики. 2014. № 5. С. 97-108.
8. Форрат Н.В. Проблема качества высшего образования: мировые вызовы и их российские трансформации / Н.В. Форрат // Вопросы образования. 2009. №1. С. 121-138.
9. Образование в цифрах: краткий статистический сборник. М.: Нац. исслед. ун-т Высшая школа экономики. 2014. 80 с.
10. Образование в цифрах: краткий статистический сборник. М.: Нац. исслед. ун-т Высшая школа экономики. 2014. 80 с.
11. Российский статистический ежегодник. 2015. Стат. сб. М. 2015. 728 с.
12. Зак Т.В. Образовательный процесс и экономическая политика государства / Т.В. Зак. // Вестник Астраханского государственного технического университета. Сер. экономика. 2010. № 2. С. 36-43.
13. Тамбовцев В. Реформа высшего образования в России: международный опыт и экономическая теория / В. Тамбовцев, И. Рождественская // Вопросы экономики. 2014. № 5. С. 97-108.
14. Бляхер М. Гиперрегулирование в системе высшего образования. / М. Бляхер // Отечественные записки. 2013. № 4.
15. Алпатов А.О согласованности реформ в высшей школе, науке и промышленном секторе экономики / А. Алпатов. // Экономическая политика. 2014. № 4. С. 153-176.
16. Урнов М.Ю. Политические ограничители модернизации российской экономики / Урнов М.Ю. // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. №3 (27). С. 183-188.
17. Полищук Л.И. Коллективная репутация в высшей школе: анализ равновесной модели / Полищук Л.И. // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 7. С. 46-69.

References

1. Alpatov A.O. Soglasovannosti reform v vysshei shkole, nauke i promyshlennom sektore ekonomiki / A. Alpatov // Ekonomicheskaya politika. 2014. № 4. S. 153-176.
2. Balatskii E. Upravlencheskie paradoksy reform v universitetskom sektore / E. Alpatov // Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Assotsiatsii. 2015. №2. S.b124-149.
3. Blyakher M. Giperregulirovanie v sisteme vysshego obrazovaniya / M. Blyakher // Otechestvennye zapiski. 2013. № 4.
4. Klyachko T.L. Tendentsii razvitiya vysshego professional'nogo obrazovaniya v Rossiiskoi Federatsii. / T.L. Klyachko, V.A. Mau // Voprosy obrazovaniya. 2007. №3. S. 47-63.
5. De Korte E. Analiz deyatelnosti universitetov Zapadnoi Evropy: ot otsenki kachestva do akkreditatsii / Erik de Korte // Voprosy obrazovaniya. 2014. №4. S. 36-55.

6. Polishchuk L. Kachestvo vysshego obrazovaniya v Rossii: rol' konkurentsii i rynka truda / L. Polishchuk, E. Livni // Voprosy obrazovaniya. 2005. № 1. S. 70-85.
7. Tambovtsev V. Reforma vysshego obrazovaniya v Rossii: mezhdunarodnyi opyt i ekonomicheskaya teoriya / V. Tambovtsev, I. Rozhdestvenskaya // Voprosy ekonomiki. 2014. № 5. S. 97-108.
8. Forrat N.V. Problema kachestva vysshego obrazovaniya: mirovye vyzovy i ikh rossiiskie transformatsii / N.V. Forrat // Voprosy obrazovaniya. 2009. №1. S. 121-138.
9. Obrazovanie v tsifrakh: kratkii statisticheskii sbornik. M.: Nats. issled. un-t Vysshaya shkola ekonomiki. 2014. 80 s.
10. Obrazovanie v tsifrakh: kratkii statisticheskii sbornik. M.: Nats. issled. un-t Vysshaya shkola ekonomiki. 2014. 80 s.
11. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. 2015. Stat. sb. M. 2015. 728 s.
12. Zak T.V. Obrazovatel'nyi protsess i ekonomicheskaya politika gosudarstva / T.V. Zak. // Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser. ekonomika. 2010. № 2. S. 36-43.
13. Tambovtsev V. Reforma vysshego obrazovaniya v Rossii: mezhdunarodnyi opyt i ekonomicheskaya teoriya / V. Tambovtsev, I. Rozhdestvenskaya // Voprosy ekonomiki. 2014. № 5. S. 97-108.
14. Blyakher M. Giperregulirovanie v sisteme vysshego obrazovaniya. / M. Blyakher // Otechestvennye zapiski. 2013. № 4.
15. Alpatov A.O soglasovannosti reform v vysshei shkole, nauke i promyshlennom sektore ekonomiki / A. Alpatov. // Ekonomicheskaya politika. 2014. № 4. S. 153-176.
16. Urnov M.Yu. Politicheskie ogranichiteli modernizatsii rossiiskoi ekonomiki / Urnov M.Yu. // Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii. 2015. №3 (27). S. 183-188.
17. Polishchuk L.I. Kollektivnaya reputatsiya v vysshei shkole: analiz ravnovesnoi modeli / Polishchuk L.I. // Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii. 2010. № 7. S. 46-69.

УДК 338

Внутренние резервы повышения качества высшего образования в России

Татьяна Владимировна Зак

Астраханский государственный университет, Российская Федерация
Кандидат экономических наук, доцент
E-mail: tvzak18@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается ситуация, сложившаяся в системе высшего образования в России. Выявляются факторы, препятствующие повышению качества высшего образования. При этом акцент делается на массовых университетах. Главными препятствиями для повышения качества в этих образовательных организациях являются институт коллективной репутации и высокие издержки борьбы за повышение качества образования. Обосновывается необходимость концентрации усилий на приведении в действие внутренних резервов повышения качества: изменении организации учебного процесса, предоставлении студентам права выбора сроков сдачи экзаменов и периода обучения в университете. Реализация предложенных мер приведет к снижению альтернативных издержек, связанных с деятельностью по повышению качества. Предлагаемые изменения в организации процесса обучения открывают возможность для оценивания деятельности университетов по показателю среднего срока освоения учебных программ студентами. Использование данного показателя позволит не только совместить две разных цели университетов, но и минимизировать издержки оппортунистического поведения преподавателей и менеджмента.

Ключевые слова: внутренние резервы, внешние факторы, коллективная репутация, оппортунистическое поведение, доверительные блага, средний срок обучения, технология учебного процесса.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 104, Is. 3, pp. 184-192, 2016

DOI: 10.13187/er.2016.104.184
www.erjournal.ru

Pedagogical sciences

Педагогические науки

UDC 37

Leisure Time of Children and Youth in Slovakia and Brazil through Physical Education and Sports

¹ Elena Bendíková

² Ricardo Ricci Uvinha

³ Alipio Pines Rodrigues Junior

⁴ Nara Rejane Cruz de Oliveira

¹ Matej Bel University, Slovakia

Tajovského 40, Banská Bystrica 974 01

Dr. (Pedagogic Sciences), PhD, Associate Professor

E-mail: Elena.Bendikova@umb.sk

² University of Sao Paulo, São Paulo, Brazil

School of Arts, Sciences and Humanities

Avenida Arlindo Bettio, 1000 Ermellino Matarazzo 03828-000

Graduate Program in Physical Activity Sciences

PhD, Associate Professor

E-mail: uvinha@usp.br

³ University of Sao Paulo, São Paulo, Brazil

Graduate Program in Physical Activity Sciences

School of Arts, Sciences and Humanities

Avenida Arlindo Bettio, 1000 Ermellino Matarazzo 03828-000

Alipio Rodrigues Pines Junior, Graduate Student

E-mail: alipio@usp.br

⁴ Federal University of Sao Paulo, São Paulo, Brazil

PhD, Associate Professor

E-mail: nararejaneunifesp@gmail.com

Abstract

This study aimed to compare the leisure time of children and youth in Slovakia and Brazil, through Physical Education and Sports. Partial knowledge of contribution presents theoretical basis, findings and present research results which clearly point out the widening trend of consumer lifestyles of children and youth in Slovakia in relation to leisure time of physical education and sports as one of the major factors in addition of participating to create in family a positive relation to lifelong physical activity. At the same time physical education and its forms in relation to health of pupils is one of the primary elements of human existence which are resulting in increased

quality of lifestyle of everyone in adulthood through the appropriately selected active recreation of leisure time in relation to prevention.

Keywords: physical education, leisure time, interests, pupils.

Introduction

Leisure time is a dynamic social phenomenon which provides space for self-realization in activities and actions according to their needs and interests. Creating of sufficient opportunities for positive leisure time activities for children and youth and cultivating the right attitude of leisure time as a significant individual and social value is an assumption for a productive and prosperous society.

The beginnings of the definition of leisure time came from ancient Greece and philosopher Aristotle whose perception in other developmental stages of humanity underwent and passed social, political and economic changes. Patronage of leisure time now falls under the World Leisure Organization. In this context undoubtedly important determinants are involved in the creation of relation to lifelong physical activities in addition to the family and the school through the physical education and sports and their forms where we present the research results and findings from the theoretical resources.

The current population of adolescents, children and youth are less interested in the possibility of organizing regular interesting and other leisure time activities as it was back in the 1980's. Children and youth give priorities to occasional events according to individual interests and particular spontaneous use and survival of leisure time in a friendly informal peer groups, parties but also in passivity and boredom.

Aim. This study aimed to compare the leisure time of children and youth in Slovakia and Brazil, through Physical Education and Sports.

Theoretical resources. The current lifestyles among children and youth has changed basically the regime of work and rest entered hypokinetic character with the absence of structured physical activities in leisure time which translates in their regime of exercises (Lukšík, Dieskova, Uhrová, 2005).

The current physical activity of population of European Union which are age between 15-24 years, shows Antala, Labudová (2011), are based on the Eurobarometer (2010), referring to the fact that one of the problems in Slovakia is continuing a larger number of students who regularly do not do any sports or for whom sport is not the preferred physical activity in leisure time (Table 1).

Pan-European television survey UPC (2007) reports that 37% of children and youth in Slovakia spend watching television in average from 1.5 to 3 hours a day but 22% of them spend watching television more than 3 hours a day (Vitáriušová et al., 2009). Regularly organized physical activities devote only every third student points out Ministry of Education of the Slovak Republic (MŠ SR) (Antala, 2011).

According to the research and findings of health statistics in Slovakia lack of physical activity starts in the primary schools and continues in secondary schools (Soos, Šimonek, Biddle, Hamar, 2010). Currently, pupils complete in primary and secondary education in average 13 000 teaching hours in which up to 93% are devoted to theoretical training and only about 7% of physical activity through physical education and its different forms (Slezák, 2009), which is due to an increase of intensity of study priorities and interests of students which include: TV, DVD players, computer games, internet, cell phones and social networks that contribute to the further growth of the locomotor deficit of pupils (Malina 2001; Welk, Blair, 2002; Zdravotná štatistika, 2007), but also expanding social and pathological features.

Ministry of Education of the Slovak Republic in this context further point out that 70% of pupils and youth spend four hours of leisure time working on computers, internet, watching TV, or playing with cell phones (Antala, 2011). What is above stated is in favor of the authors Bendíková, Kostencka (2013).

Table 1: Physical activity of children and youth of EU in age between 15-24 years (Antala and Labudová, 2011)

Group of respondents	Regularly doing sports	Doing sports with a certain regularity	Sometimes doing sports	Not doing any sports
Population of EU	9 %	31 %	21 %	39 %
15 – 24 years old	14 %	47 %	22 %	17 %
Male	10 %	33 %	22 %	34 %
Female	9 %	28 %	20 %	43 %

Source: EÚ – European Union

Soos, Šimonek, Biddle, Hamar (2010) investigated representation of physical activity and sedentary lifestyle in the daily routine of young people in eastern Slovakia. They found out that watching TV and shopping/ staying in the city contribute to passive leisure time during week as well as on the weekend. Boys and girls through the week spend active travelling (walking) but the boys spend more time by playing sports and exercises than girls. During week boys spend daily 41, 5 min. and girls 11 min. although during weekends boys spend 71.7 min and girls 11.7 min. Girls generally spend more time than boys with sedentary activities during the week as well as during the weekends.

Dobrý (2008) reports that spontaneous physical activity of children and youth falls mainly in girls after 14th year and boys between 16th - 18th years. Sigmund et al. (2009) find that preschool children are more physically active than 12-17 years old adolescents. Those findings confirm also other results from 1990 and 2010 (Antala, 2011) which show that in organized forms of physical activities outside the school is currently involved about 45% of boys and 40% girls.

A significant change occurred in the group of children and youth who have a compulsory physical education and sports in schools which is only execution of physical activities for them. Today it is about 25% of boys and girls in Slovakia, while in the past it was in average only 8.5% of boys and 11.3% of girls (Antala, 2010). Unlike in the past it is three times increase in boys and more than two times among girls (Antala, Labudová, 2011). We believe that the phenomenon arises of possible overloading of pupils at schools or at home and a lot of other interests which are in addition to sports activities with no time or improper organization of leisure time.

A serious problem in primary and secondary schools in Slovakia is a drastic increase of students who do not participate in physical education and sports. Currently according to the findings of the Ministry of Education of the Slovak Republic about 30% of children regularly apologize from physical education and sports because the subject is not classified. Bebčáková, Lalíková (2003), Slezák (2004) found that the number of boys who do not exercise is between 27.7% and 39.6% and the number of girls who do not exercise is from 38.2% to 48.1%. To the above Buková (2002) states that 15-25% of pupils is applying for partial or complete exemption from physical education classes. Similarly, the findings of Šimonek (2010) show a higher percentage of girls who do not exercise than boys and more in the countryside than in the city.

The reality points out the fact that the condition is associated with a number of subjective and objective factors (personality of teacher, pupil and doctor). Among the most frequent reasons for the active or passive (non) participation of female pupils in primary and secondary schools during physical education and sport education, which states Bendíková (2011) include: menstruation, the content of subject, lack of motivation, lack of movement on the whole, comfort, weak will, poor fitness, health problems (convalescence after influenza, tonsillitis), personality of the teacher, the hygiene conditions in schools (showers), lack of time for hygiene but also really silly manners such as (make up, gel nails, changing clothes, sweat, fatigue, order of the lesson, inadequacy of the zero/ first lessons but also the last lesson, preparation for examinations, or other objects).

Medical examinations also confirmed that the most common and central reason for non-inclusion of pupil and exemption from classes of physical education and sports are supporting disorders of musculoskeletal and respiratory systems (allergies). Thus this increasing of the requests for release and exemption of pupils from classes of physical education and sports became

as health deviations. Although the actual exemption of approved doctors is often "meaningless" against which it is currently a problem to object (Šimonek, Halmová, Kanášová, 2005).

Primary schools are attended by 4-6% of pupils with health disorders and secondary schools are up to 13% of pupils. If the number of pupils exempted from classes of physical education and sports in schools increases therefore there should be working sections of health physical education in accordance with trends of challenges of European Union. Analytical study of the situation and issues of health physical education as teaching subject in schools documented results by Labudová (2003).

Majerský, Hellebrantová (2006) state that integrated teaching of health physical education in the school year 2004/2005 was preferred than the actual teaching of pupils with physical weakness. Beččáková, Lukáč (2005) add that to them tends to 52% of teachers from eastern parts of Slovakia. Findings of Šimonek (2010) in this context indicate that only 2.5% of urban and 1% of rural schools comply with the statutory number of two hours of health physical education in all grades of primary schools. And 93.5% of urban and 98.0% of rural schools is not organized at all exercises with medically weakened pupils. In comparison with the findings of 10 years ago it is worsening by up to 33.5% - 38%. The shifts are not obvious nor the implementation of an integrated physical education.

The fact that hypokinetic way of life as an expression of the current form of interest and motivation then knowledge is a prerequisite for the formation of interest preferences, control and forecasting interests to become an important positive factor of leisure time in the structure of values of children and youth (Mandigo, Holt, 2000). The found results concerning the structure of the sport interests, confirmed previous research monitoring of the work: Peráčková (2008), Beččáková et al. (2011) which are focused on the application of various forms and devices (aerobics, pilates, zumba, aquapower, fresbee) and in physical education and sport (Kyselovičová 2007; Kampmillerová et al., 2010) which are confirming the positive impact whether the changes of the level of physical development, motor performance and functional ability of the pupils' organism (Chovanová, 2010) or interest about the subject.

The lack of interest of pupils of the movement as well as the subject arises precisely because of the lack of innovation and revitalization of the content of the offer subject and physical education and sport, which can also be a factor in the prevalence of civilization diseases among pupils in Slovakia. Trends in physical education and sport should be based on a respect sphere of interest of leisure time activities of pupils as well as the position and movement relative to the subject (Bendíková, Kostencka, 2013).

While monitoring the interests of children and youth about physical activities in the context of physical education and its form and physical activities in leisure time referred that several studies show that boys prefer dynamic sports with direct contact with the opponent ($p < 0.01$). Girls are seeking for more of physical activities of individual character, aesthetic orientation which are without direct contact ($p < 0.01$) (aerobics, zumba, pilates). Children and youth in Slovakia prefer leisure time whether in organized or unorganized forms of physical activities in relation to the options of part of the traditional and non-traditional character through sports games (football, basketball, volleyball, handball, hockey, field hockey, korfbal, baseball) also swimming, skiing, biking, hiking, ice skating and ice hockey. The above findings partly correspond with longitudinal research of Frömela et al. (1999) which confirmed this tendency towards physical activities that can be implemented even in their leisure time.

New understanding of physical education and sports in schools presumed influence of current, traditional "way of managing the learning process and changes in its structure. Ways of learning and creating conditions for the effective realization of the educational process in addition of incorporates a program teaching methods are also creative oriented procedures to the trend towards experience, emotional and relationship of pupils to sport activities and the social status and role of the pupil in the learning process (Bendíková, 2009b).

Teacher in teaching physical education should apply various forms of motivation which leads to an accentuation of the health aspects of specific exercises for the pupils (Cuddihy, Corbin, Dale, 2002) in conjunction with carefully chosen and applied didactic styles (Mosston, 1992; Mosston, Ashworth, 2002) methods and forms which are applied in the active leisure time. Therefore the demand for a change of undergraduate training of teachers will be as well as continuing education. What is important is cooperation of theory and practice where physical education and sport

directly but also indirectly creates space for diversification and implementation of innovative content filling lessons (Bendíková, 2009a). To liberalize the curriculum content of physical education and sports also indicate Labudová (2004), Majerský, Hellebrandtová (2006) which is currently imposed on teachers of physical education and increased demand and the choice of new, non-traditional movement activities and thus the space diversify offer of physical activities. The benefit should be that lessons within the school curriculum heterogeneous nature affecting indicators of health, with positive consequences on the physical, functional and motion progress of pupils and health-oriented physical prowess.

In addition to the unorganized activities for children and youth in leisure time generate interest offer of sporting activities in Slovakia through school sport clubs, school facilities through scheduled and non-interest activities. While in the years 1986 - 1990 in organized physical education was involved 56% of the pupils, unorganized activities carried out 69% of pupils. Greater interest in this activity, greater satisfaction with its content with the overall level of pupils expressed as the grammar schools, both boys and girls. By contrast, 69% of pupils were dissatisfied with the organization and management of activities in schools (Sýkora, 1991).

The current concept states that in 2010 registered the Department of Education and Forecasting 296 public leisure time facilities (69.81% of the total number of facilities), church leisure time facilities was 54 (12.74%) and 74 private (17.45%) (Overview CVČ, 2011). Of the total by the number of 424 leisure time facilities was 211 leisure time centers and 213 school centers of activity. Leisure time facilities and interest time activities of children and youth in 2010 reported on 15/9/2010 with 16,523 staff of regular school activities of which only 5,690 bodies have focused on the area of physical education and sport in which a significant distance followed departments which focused on culture and art with a number of 3726. In the context of physical education and sports departments were registered 121,301 members which is representing 44.32% of the total membership base time activities in a given year. Of this number, 121,301 members were 88,004 boys and 33,297 were girls. For interest time activities, including sports since 2004 can benefit from the education vouchers in accordance with § 7 sec. 8 of act no. 597/2003 on financing primary schools, secondary schools and school facilities, as amended, and amending certain acts. Educational voucher represents an annual contribution of state per pupil for school for special-interest education not just for sport. The value of education voucher for 2011 was 2.8 euros per month (€ 28 / school year). Financing of education vouchers in 2010 were for educational vouchers totaling € 17,783,774. These funds were provided by the provider of interest education. Most funds received communities (€ 10,494,614) and Higher territorial unit (€ 4,732,534). There is no available information, what percentage of finances was used for sporting activities (Management report, 2010).

In the non-governmental sector leisure time sport activities organized by other legal entities such as schools and school facilities in villages and towns, and especially various sports clubs and sections. The Slovak Republic has registered 10,020 sports clubs. Movement activities of their children in sports clubs are mostly financed by parents and those physical activities they can benefit from educational vouchers (Antala, 2011).

And what is the situation of Brazilians' children and young people? The Ministry of Sports of Brazil (2015) carried out a national diagnosis trying to identify the profile of physical activity practitioner and sedentary people. It was noticed that 45.9% of Brazilian population is sedentary, which correspond to 67 million people. Among young people between 15-19 years old, this physical inactive percentage is lower: 32.7%. However, this index grows up to 38.1% between 20-24 years old people, and keeps growing along with the age range.

Another alarming fact: 26.8% of people up to 15 years and 45% of people between 16 and 24 reported that they practiced physical activity, but abandoned it. But why does this happen? The reasons for this abandonment are presented in Table 2. As the table 2 shows, the lack of time for study, work or family was reported by 69.8% of respondents, and is the main reason for the abandonment of physical activity. This may be an indication that most people practiced some physical activity in their leisure time, but with the everyday obligations, they were forced to abandon such practices.

How can we change this situation? Investing in policies that encourage the practice of physical activities and sports. Thus, it is necessary to know when and where most people start the sports practice.

The survey conducted by the Brazilian Ministry of Sports (2015) pointed that 48% of people start the practice of sports at school, under the supervision of a teacher. Furthermore, 37.9% start practicing sports between 6 and 10 years old, and 31.4% start between 11 and 14 years old. This means that primary and secondary school, and consequently the Physical Education teachers, have significance for people starting to practice physical activities and sports.

Table 2: Reasons of physical activity abandonment (Brazilian Ministry of Sports, 2015)

Reasons	Percentage
Lack of time for study, work or family	69.8%
Problem in practice, lack of results and socialization	6.1%
Health or age problems	12.5%
Economic reasons	1.4%
Lack of space (facilities) to practice	3.2%
Fatigue, laziness or lack of motivation	7%

Source: Brazilian Ministry of Sports.

This is confirmed by the “Design to Move” report (MacCallum, Gopu, Howson, 2013). The authors pointed that:

For children, schools provide the most accessible, and sometimes only, opportunity for regular, structured play, physical education, physical activity and sports. This is particularly true of those with financial and/or transportation challenges, and those with parents who lack the time to enable their children’s participation due to work commitments. In addition, the institution of school—and its messages, expectations and the availability of positive physical activity options — is also enormously influential during a child’s primary and school years. That said, schools exert the most positive influence when the school as a whole works to encourage participation” (MacCallum, Gopu, Howson, 2013, p. 23). In addition, MacCallum, Gopu, Howson (2013, p. 23) portray the importance of the Physical Education teachers. This workforce is vital, so it is necessary to offer them high-quality initial training and ongoing professional development. This is essential to assure that they will “work to a common set of principles, both within and beyond the school curriculum”.

So, through this literature review, it was possible to notice some common points between children and youth in Slovakia and Brazil. One of these points is the lack of interest practicing physical activities and sports, which is influenced by several factors, such as lack of time and motivation. In both cases, one of the solutions suggested to try to reverse the growing inactivity framework is to encourage physical activity and sport in school, the place where many children and adolescents have contact with such practices. If this contact is positive, children and youth will have better chances to bring that experience to your life, to your leisure time.

Currently, leisure time is a major social problem where in practice the problems - excess and lack of leisure time. The difficulties caused by the lack of opportunities, interesting possibilities for use of leisure time, as well as missed opportunities, lack of interest in its meaningful use and abuse of leisure times, direct government indifference, and public reports on issues of leisure time of children and youth, lack of support for the creation and development of centers of activities of children and youth, lack of awareness of the possibilities of using leisure time, leisure time facilities for children and youth are not equally available to the population of children and youth in rural and urban areas, inconsistencies in theoretical and practical training of workers in leisure time, low support for the establishment of new sports facilities, health resorts in the region. In many cases, the possibility of leisure time for children and youth in Slovakia depend on the financial possibilities of parents as well as other important factors - distance from the town/ village, availability of information, but also the impact of the educational level of parents and others.

We believe that the complex causes of lack of interest of the movement, whether within classes of physical education and sports and leisure time has considerable variability, both in terms of gender and age of children and youth in Slovakia. Undoubtedly the results of action are biological, economic, political, philosophical and social factors of the society. The prevalent causes probably have deeper roots often related to biological and mental abilities of individuals falling in

physical education in the family related to the level of learned physical habits, skills and quality of the musculoskeletal system including the level of physical education at schools at a younger age and appropriate use leisure time in the family.

The problem of physical inactivity of children or youth and seeking opportunities to change the above mentioned negative trend is the subject of scientific research, debates and meetings of experts in various fields of social life. Searching for ways and means to attract children and youth to the regular physical education and sports activities are improving their lifestyle at a later age in life.

Conclusion

Although the reform was carried out at different levels and have different forms, it will be necessary to incorporate the mandatory content of teaching physical education and sport in schools of the latest scientific knowledge, leading to more efficient educational work of teachers which would in turn be reflected in pupils' competence with intentions to health, lifestyle, active rest and full use of leisure time. It follows that the school is one of the key position to influence attitude, leisure time preferences of pupils in addition to the family where motivation is a factor that determines the pupil for certain objectives, orientation, certain activities that provokes him to act in accordance with its aspiration of leisure time.

References:

1. Antala, B. (2009). Telesná a športová výchova v základných a stredných školách v SR po prvom roku transformácie vzdelávania. In *Zborník NK o školskom športe*. Slovenská asociácia univerzitného športu v spolupráci s MŠ SR. Bratislava : MŠ SR, 2009, pp. 54 – 62, www.sport-konferencia.sk.
2. Antala, B. (2011). *Telesná a športová výchova v krajinách EÚ a vo svete*. Interný materiál spracovaný pre potreby MŠVVaŠ SR.
3. Antala, B., Labudová, J. (2011). Prečo zvýšiť počet hodín telesnej a športovej výchovy v kurikulumách. In *Tel. Vých. & Šport*. Bratislava, roč. XXI, pp. 8-12.
4. Bendíková, E., Kostencka, A. (2013). *Exercise routine as a conditions of early school age pupils' health*. Bydgoszcz : Oficyna Wydawnicza Mirosław Wrocławski, 149 p.
5. Bebcáková, V., Lalíková, L. (2003). Analýza necvičiacich žiakov v telesnej výchove. In *Poznatky z výskumu školskej telesnej výchovy*. Bratislava : FTVŠ UK, pp. 84-90.
6. Bebcáková, V. & Lukáč, K. (2005). Súčasný stav v realizácii učiva z telesnej výchovy v základných školách. In *Súčasný stav školskej telesnej výchovy a jej perspektívy*. Bratislava : ICM AGENCY, pp. 14 – 26, ISBN 80-969268-6-1.
7. Bebcáková, V., Boržíková, I., Durkáč, P., Lenková, R. (2011). *Pohybová aktivita v životnom štýle 14-ročných žiakov prešovského regiónu*. PU FS : Prešov, 90 p.
8. Bendíková, E. (2009a). School Physical Education and Youth Sport (Školská telesná výchova a šport mládeže). In *Tel. Vých. Sport Mlád*. Praha : UK FTVS, roč. 75, č. 2, pp. 11-14.
9. Bendíková, E. (2009b). A Critical Look at the Causes of Physical Deficiency Slovak Schoolchildren. (Kritický pohľad na príčiny pohybovej nedostatočnosti slovenských školákov). In *Tel. Vých. Sport Mlád*., Praha : UK FTVS, roč. 75, č. 5, pp. 2-5.
10. Bendíková, E. (2011). The Current Health Status and Reasons for Student Absence in Physical and Sports Education Classes. (Aktuálny zdravotný stav a dôvody neúčasti žiačok na hodinách telesnej a športovej výchovy). In *Tel. Výchova & Šport*, Bratislava, roč. XXI, č. 1, pp. 6-10.
11. Brazilian Ministry of Sports. (2015). National sport diagnosis (Book I). Brasília, Brazil: Author. Retrieved December 08, 2015, from http://esporte.gov.br/diesporte/diesporte_grafica.pdf
12. Buková, A. (2002). Pohybová aktivita v spôsobe života vysokoškolačka. In *Vědecká conference, Pulstoletí tělesné výchovy na vysokých školách*“. Praha 24. 26.4. pp. 162-167.
13. Chovanová, E. (2010). Význam netradičných hier a cvičení vplývajúcich na rozvoj priestorovo – orientačných schopností. In *Pohybová aktivita v živote človeka*. PU v Prešove : FS, pp. 13-19.
14. Cuddihy, T. F.; Corbin, C. B., Dale, D. (2002). A short instrument for assessing intrinsic motivation for physical activity. In *Physical Educator*, Vol. 59, No. 1, pp. 26 - 37.
15. Dobrý, L. (2008). Krátká historie pohybové aktivity a zdravotních benefitů. In *Tel. Vých. Sport Mlád*. Praha : UK FTVS, roč. 74, č. 2, pp. 7 – 17.

16. Eurobarometer. (2010). [online]. [cit. 2014-06-06] dostupné na internete: Sport and Physical Activity - Europa http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_334_en.pdf
17. Frömel, K., Novosad, J., Svozil, Z. (1999). *Pohybová aktivita a športovní zájmy mládeže*. Olomouc : Univerzita Palackého, pp. 173.
18. Kampmillerová, L., Vanderka, M., Kampmiller, T., Kutliková, D. (2010). Program výberového tematického celku Cvičenia v posilňovni pre žiakov 7. ročníka – ISCED2 (1.časť). In *Tel. Vých. & Šport*. Bratislava, roč. XX., č. 1, pp. 9 -12.
19. Kyselovičová, O. (2007). Možnosti uplatnenia fitlopty v školskej telesnej výchove. In *Metodická príručka zo IV. Európskeho kongresu FIEP*. Bratislava : FTVŠ UK, pp. 64.
20. Labudová, J. (2003). Analytická štúdia o stave a problémoch zdravotnej telesnej výchovy ako vyučovacieho predmetu. In *Poznatky z výskumu školskej telesnej výchovy*. Bratislava : UK FTVŠ, pp. 17 – 27.
21. Labudová, J. (2004). *Východiská k tvorbe inovovaných projektov školskej telesnej výchovy*. FTVŠ UK Bratislava, 13 p.
22. Lukšík, I., Diešková, V., Uhrová, V. (2005). Voľný čas detí na Slovensku: štruktúra a prežívanie v partiách/v mikrokultúrach. In *Psychológia pre život...* Zborník z 23. psychologických dní, 8.-10.9, Dun. Streda. Pelikán, pp. 141-144.
23. MacCallum, L., Gopu, N., Howson, N. (2013). *Designed to move: A physical activity action agenda*. São Paulo, Brazil: Nike do Brasil.
24. Malina, R. M. (2001). Physical activity and fitness : Pathways from childhood to adulthood. In *Am. J. Hum. Biol.*, vol. 13, pp. 162 – 172.
25. Management report. (2010). Správa o hospodárení škôl a školských zariadení za rok 2010 (MŠVVaŠ SR – 15. PVM 9.6.2011).
26. Mandigo, J. L., Holt, N. L. (2000). Putting theory into practice: How cognitive evaluation theory can help us motivate children in physical activity environments. In *Journal of physical education, recreation and dance*, Vol. 77, pp. 44 - 49.
27. Majerský, O., Hellebrandtová, D. 2006. Podnety na inováciu učebných osnov telesnej výchovy na základných a stredných školách. In *Transformácia vzdelávania smerom k potrebám európskeho trhu práce. Fórum pedagogiky*. Bratislava : Metodicko pedagogické centrum, pp. 155–163.
28. Mosston, M. (1992). Tug-O-War, No more. Meeting teaching-learning objectives using the spectrum of teaching styles. In *Journal of physical edukation, recreation and dance*. Vol. 56, No. 1, pp. 27-31.
29. Mosston, M., Ashworth, S. (2002). *Teaching Physical Education*. Benjamin. San Francisco, CA: Cummings.
30. Pan-European television survey UPC. (2007).[online]. [cit. 2012-23-02] dostupné na internete: <<http://www.tvcentrum.com/?action=show&art=5095>>
31. Peráčková, J. (2008). Režim dňa, voľný čas a telovýchovná aktivita žiačok vybraného gymnázia. In *PERÁČKOVÁ a kol. Telovýchovné a športové záujmy v rámci voľno-časových aktivít žiakov*. Bratislava : UK FTVŠ MŠ SR, 2008, pp. 5 – 74.
32. Overview CVČ. (2011). *Prehľad vybraných ukazovateľov za CVČ a ŠSZČ v roku 2010*, UIPŠ, Bratislava, 2011.
33. Sigmund, E., Sigmundová, D., Miklánková, L., Frömel, K., Groffik, D. (2009). Odlišnosti v pohybové aktivite predškolských detí ve srovnání s pohybovou aktivitou adolescentů a mladých dospělých. In *Česká kinantropologie*. roč. 13, č. 4, pp. 50 – 62.
34. Slezák, J. (2004). Príčiny absencie necvičiacich žiakov na hodinách telesnej výchovy vo vzorke stredných škôl v Slovenskej republike. In *Východiská k tvorbe inovovaných projektov školskej telesnej výchovy*. Bratislava : FTVŠ UK, pp. 54 – 60.
35. Slezák, J. (2009). Telesná a športová výchova na školách nesmie stagnovať. In *Slovenský školský šport – Podmienky – prognózy – rozvoj : národná konferencia o školskom športe*, Štrbské Pleso, 5. - 6. novembra. Bratislava : Slovenská asociácia univerzitného športu, 2009. pp. 87 – 90.
36. Soos, I.; Šimonek, J.; Biddle, S., Hamar, P. (2010). Pohybová aktivita a sedavý spôsob života východoslovenských adolescentov. In *Tel. Vých. & Šport*, roč. 20, č. 2, s. 18 – 22.
37. Šimonek, J. (2010). Materiálne – technické a personálne zabezpečenie vyučovania telesnej a športovej výchovy v slovenských základných školách. In *Tel. Vých & Šport*. Bratislava, roč. 20, č. 4, pp. 19 - 23.

38. Šimonek, J.; Halmová, N., Kanasová, J. (2005). Príčiny neúčasti žiakov na hodinách telesnej výchovy na II. Stupni ZŠ v nitrianskom regióne. In *Labudová, J. a kol.: Súčasný stav školskej telesnej výchovy a jej perspektívy*. Bratislava : ICM AGENCY, pp. 46 – 51.
39. Sýkora, F. (1991). Postoje žiakov bratislavských stredných škôl k záujmovej telesnej výchove, k jej organizácii a riadeniu. In *Tel. Vých. Šport*, 1, č.1, pp. 18-19.
40. Welk, G. J., Blair, S. N. (2000). Physical Activity Protects against the Health Risks of Obesity. In *Research Digest, series*, Vol. 3, No. 12, pp. 1-8.
41. Zdravotná štatistika. (2007). Ambulantná starostlivosť o deti a dorast v SR 2006, Bratislava: UZIŠ, 2007, 32 p.

УДК 37

Досуг детей и молодежи в Словакии и Бразилии, рассматриваемый через призму физического и спортивного воспитания

¹ Елена Бендикова

² Рикардо Рицци Увинга

³ Алипио Пинес Родригес мл.

⁴ Нара Реяне Крус де Оливейра

¹ Университет им. Матей Бела, Словакия
ул. Тайовского 40, 974 01 г. Банска Быстрица
Доктор педагогики, доктор философии, доцент
E-mail: Elena.Bendikova@umb.sk

² Университет Sao Paulo, Бразилия
Послевузовское изучение физического воспитания и спорта
Факультет искусства, естественных и гуманитарных наук
Avenida Arlindo Bettio, 1000 Ermellino Matarazzo 03828-000
Доктор философии, доцент
E-mail: uvinha@usp.br

³ Университет Sao Paulo, Бразилия
Послевузовское изучение физического воспитания и спорта
Факультет искусства, естественных и гуманитарных наук
Avenida Arlindo Bettio, 1000 Ermellino Matarazzo 03828-000
E-mail: alipio@usp.br

⁴ Федеральный университет Sao Paulo, Бразилия
Доктор философии, доцент
E-mail: nararejaneunifesp@gmail.com

Аннотация. Целью настоящей статьи является анализ и сравнение досуга детей и молодежи в Словакии и Бразилии через восприятие значения физического и спортивного воспитания в их жизни. В статье приводятся исходные данные и результаты исследований, которые отчетливо говорят об углублении тенденций потребительского образа жизни детей и молодежи в Словакии и Бразилии, что касается досуга, физического и спортивного воспитания – одного из важных факторов наряду с семьей, которое участвует в создании позитивного отношения к спортивной активности на всю жизнь. При этом физическая подготовка и ее разновидности являются одними из главных элементов жизни человека, переходящее в качество образа жизни каждого из нас в зрелом возрасте, рассматриваемое через призму соответствующего активного отдыха на досуге применительно к профилактике.

Приведенные первичные данные являются составной частью проекта-гранта ВЕГА: 1/0376/14 *Принужденные двигательные деятельности как профилактика здоровья для населения Словакии.*

Ключевые слова: физическая подготовка, увлечения, свободное время, ученики.